

АНТОН
ЧИЖ

АГАТА и СЫСК
ПРАВИЛА
СЧАСТЛИВОЙ
СВАДЬБЫ

Родион Ванзаров

АНТОН ЧИЖ

Правила счастливой свадьбы

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чиж А.

Правила счастливой свадьбы / А. Чиж — «Эксмо»,
2021 — (Родион Ванзаров)

ISBN 978-5-04-159713-9

Конец апреля 1894 года. В Москве разгар свадебного сезона. На Красную горку все девицы хотят успеть выйти замуж, чтобы быть счастливой. Три невесты умирают накануне свадеб без видимых причин. А еще загадочный Клуб веселых холостяков публикует скандальный манифест. Маменьки и полицмейстер Москвы в гневе. Алексею Пушкину поручено расследование. Чтобы узнать, что случилось, ему придется пойти на крайний шаг: жениться на богатой невесте. А что же Агата Керн? Возможно, этой истории не случилось бы, если бы она не подслушала странный разговор на станции Клин. Когда ехала в Петербург с богатым женихом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159713-9

© Чиж А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Правило I. Смотрины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Чиж

Правила счастливой свадьбы

Правило I. Смотрины

Образец письма с предложением руки.

«Дорогая моя Н.И.!

Простите мне, что я просто начинаю свое послание к Вам, но мои намерения дают на это право. С тех пор как я увидел Вас, страдаю бессонницей, лишен аппетита и одна мысль преследует меня. Эта мысль – законный брак и назвать Вас своею. Любя Вас как первую девушку в мире, я нахожу, что по моему характеру это будет последняя моя любовь. Кажется, одна могила заставит разлюбить Вас. Моя страсть беспредельна! Чувства любви всецело овладели мною. Ясно вижу, что так любить можно однажды в жизни.

Желание видеть Вас подругой жизни подавило во мне все прочее: я оставил все прочие свои желания и помышления на втором плане. Вам хотя известно, что мои средства невелики, что я не обладаю капиталами, но имею все, что нужно, чтобы жить безбедно, и если не окружают нас предметы прихоти богатых людей, зато мы будем иметь все необходимое в жизни.

Прекрасная моя Н.И., жду от Вас единственного «да!», столь много значащего для меня, и тогда узы святой и вечной любви соединят нас навеки. Ваше «нет!» будет для меня ударом, который оставит рану в сердце, неизлечимую навеки.

Любящий Вас и надеющийся на согласие Ваше Ф.П.А.»

«Полный письмовник и советы молодым людям, как безошибочно делать выбор невесты и быть счастливым в супружеской жизни». Составил И. К-въ. М., 1897.

27 февраля 1894 года¹

* * *

Кабы знать, что такое случится... И ведь день-то какой был: Масленица, праздник, гулянье широкое и раздольное.

Федор Козьмич, глава семейства и фирмы, традиции купеческие чтит. С утренней службы возвратился, а стол уже ломится от блинов, рыбы, икры, солений, грибов, настоек и вин. С каждым расцеловался, прощения попросил за «прегрешения вольные и невольные», никого не пропустил. Первым за стол сел, за ним остальные последовали: жена Авива Капитоновна, дочери Астра и Гая Федоровны, компаньонка их Василиса, управляющий фирмы Курдюмов с сыном Ардалеоном, сваха Капустина, граф Урсегов с другом, Меморский, нотариус семьи. Не было разве младшего брата, Дмитрия Козьмича, который в дальнее путешествие отбыл. Да место по левую руку от Федора Козьмича пустовало.

¹ Все даты по старому стилю. По новому стилю 12 марта.

Вроде веселись да радуйся, ешь и пей в свое удовольствие, сколько душа желает. Да только невесел что-то Федор Козьмич. Ни с кем не разговаривал, блинов себе накладывал. С икрой паюсной, с икрой красной, с икрой шучьей, севрюгой, со сметком, с осетриной да прочим рыбным. Сверху маслом чухонским поливал, сметаной сдабривал да лучком жареным, да солеными опятами. Такое изумление на тарелке случалось, что не каждому осилить. Он, и глазом не моргнув, проглотит да за новый блин принимается. Ел жадно, как в последний раз. Авива Капитоновна поглядывала да вздыхала. Федору Козьмичу все нипочем. Такой организм всесильный, что корову поглотит.

Известно, что на Масленицу Федор Козьмич позволял себе излишество. Великий пост для него был в тягость, так что ел, сколько мог. Но в этот раз, кажется, превзошел самого себя. Гора блинов, что перед ним выставили, растаяла, а ему и дела нет. Знай запивает квасом и ни с кем и словом не обмолвился. Даже на графа-приятеля не глядит. Сидит хмурый, челюстями молотит.

Разговор застольный начался, но вскоре сник, всяк на хозяина поглядывает, меж собой шепчутся: что за странность происходит, как бы дурно Федору Козьмичу не стало. Да только смельчаков не нашлось, чтобы замечание сделать. На что графу вольности позволялись, так и он не посмел, папироской дымит. А Федор Козьмич знай себе блин начинкой сдабривает.

Тут случился конфуз: издал он утробный глас, за какой со стыда сгоришь. А ему хоть бы что. Промокнул губы салфеткой, встал из-за стола и направился к буфету, что со времен отца его стоял в столовой зале. Дверцу резную своим ключиком открыл, графинчик хрустальный достал, к которому никто прикасаться не смел, налил полную рюмку и в рот опрокинул. Поморщился, вздохнул тяжело.

– Ох, горькая, как жизнь моя, – сказал да дверцу запер.

И такому могучему организму подмога требуется: Федор Козьмич пользовал травную настойку семейного рецепта для улучшения пищеварения, что дед его пил и прадед. Он традицию чтит не без пользы для аппетита. За стол вернулся, принялся за блины. Новую горку к себе придвинул. Сколько съел, никто не считал. Да только вдруг схватился за грудь, будто воздуха не хватает, захрипел, вздрогнул, как от озноба, и повалился на пол.

Началась суматоха, бросились помогать. Галстук расстегнули, ворот распахнули, в лицо холодной водой брызнули. Авива Капитоновна послала за доктором. Мужчины вчетвером подняли Федора Козьмича, на диван перенесли. Он дышит хрипло, говорит, чтоб его оставили в покое – уже отпускает, тепло и хорошо ему. Кто же посмеет возразить? Федор Козьмич вроде как дышать стал тише, глаза закрыл и, кажется, заснул. Наверное, в себя помаленьку приходит.

Доктор прибыл шустро – как иначе, когда пациент известный, платит за визит щедро. Проверил пульс, посмотрел зрачки и сообщил: господин Бабанов скончался. Ничем помочь нельзя.

Тут помощь Авиве Капитоновне понадобилась: супруга, вдова уже то есть, в обморок упала. Доктор ее в чувства привел и разъяснения сделал: смерть Федора Козьмича самая заурядная, от непомерного объедания и чрезмерной нагрузки на сердце для такого размера тела и неюного возраста. На Масленице в Москве подобные кончины от объедания случаются по десятку на дню. Иной раз успевают спасти, а чаще печальный конец. Приставу полицейского участка сообщить следует, а он составит заключение о кончине по естественным причинам. Комплекция Федора Козьмича мощная, купеческая, от отца доставшаяся, стала виной его гибели.

Нельзя объедаться, опасно для жизни. Блинами в особенности. Ну, что тут поделать... Такая вот жертва Масленице приключилась.

Федора Козьмича похоронили на старом Даниловском кладбище, завешание в положенный срок огласили, в котором никаких сюрпризов не открылось, да и стали жить. Жизнь – она свое берет, особенно когда в доме дочка на выданье.

А недели через две, когда слезы высохли, Василиса в гостиной убиралась, веником из-под буфета сор выметала. Махнула, и выкатился пузырек аптечного стекла. Внутри крошки белые виднеются, наверняка из хозяйских лекарств. Попользовали и забыли. Василиса пузырек на буфет поставила и пошла себе дальше мести...

23 апреля 1894 года²

* * *

Какая чудовищная ошибка... Как же она сразу не догадалась, что эта свадьба – катастрофа. Нет, не катастрофа: расплата за все, что натворила в недавнем прошлом. Расплата случится обязательно, неважно когда: через месяц, полгода или год. Не может не случиться. Сама залезла в петлю и тащит за собой ни в чем неповинного человека. Который, к несчастью, любит ее «больше жизни». Мысли терзали, как рукастый палач. Картины одна гаже другой мелькали перед глазами. И не было от них спасения...

Отъехав от Москвы, она вдруг осознала, какую непоправимую глупость совершила. А расплачиваться придется вместе. Она вертелась на мягких подушках купе I класса, выкупленного для нее одной³. Через стену, в соседнем купе, спал он. Мерно сопел под перестук вагонных колес. Богатый, красивый, молодой жених вез в столицу невесту, чтобы получить формальное благословение родителей. Он спал сном счастливого человека, которого неприятности обходят стороной. Ну разве приличия запрещали ехать с невестой в одном купе. В остальном счастье его было незыблемым...

Спит и не знает, что счастье это не прочней карточного домика...

Отпыхтев восемьдесят верст⁴, поезд подходил к Клину, до Петербурга ехать целый день. Ткнув локтем подушку, она уселась и стала смотреть в окно, подперев щеку кулачком. Мимо проплывали весенние перелески в свежей зелени. Светило праздничное солнце Пасхи, день был напоенный радостью. Не хватало розовощеких амурчиков, которые кружили бы на стрекозиных крылышках.

Счастье, о котором мечтает каждая девушка, пришло к ней: богатая свадьба в столице империи, роскошное платье, венчание в Казанском соборе, собственный дом с прислугой, дача в Гатчине, любящий муж. О чем еще мечтать? Особенно в ее годы, когда на таких засидевшихся женятся только старики или ненормальные. Двадцать шесть лет для девушки как приговор. Дальше куковать старой девой с мотком пряжи и кошками.

Рулетка судьбы подарила выигрыш. Стоит взять его – обожжешь руки. Она обладала достаточно ясным воображением, чтобы догадаться, пусть с опозданием, что случится после свадьбы, когда заживет с молодым мужем в полной любви. Ладно, пусть он ее любит безмерно. Умной женщине изобразить нежные чувства просто, как выпить стакан лимонада.

Что же случится? Ну вот, живут они с супругом в согласии, как вдруг в дом наведывается гость, скажем, старинный друг мужа. Гость знакомится с молодой женой, и что-то в ней кажется знакомым. Присматривается, но не может вспомнить, где ее видел. Прическа, платье и семейная жизнь делают женщину неузнаваемой. Однако гость уверен, что встречал эту красивую женщину. Он вежливо спрашивает, не были ли они знакомы прежде. Она отвечает, что не имела удовольствия. Гость из вежливости не спорит. Спорить с дамами не принято. И бесполезно.

² По новому стилю 6 мая.

³ Мадемуазель едет в «малом» купе I класса, с одним диваном и двумя спальными местами. Стоимость одного места с включением государственного сбора: 23 рублей 75 коп. За купе было заплачено 47 рублей 50 коп.

⁴ 80 верст = 85 километров.

Проведя приятный вечер и на прощанье поцеловав руку хозяйки, гость уезжает. Дома его осеняет, где он видел ее. Откровение, как удар колокола: ну конечно, в Москве (или в Нижнем, или Киеве, или Саратове) эта красotka выудила у него портмоне со всей наличностью и бриллиантовый перстень вдобавок! Да как выудила! Соблазнила легкой победой, завела в номер гостиницы, заставила лечь в постель в ожидании ласк и сбежала, обобрав до нитки...

Поначалу добрый друг не верит в открытие. Но, припомнив некоторые детали той незабываемой встречи (хорошо, что супруга о ней ничего не узнала), окончательно убеждается, что под новой прической и платьем скрывается ловкая воровка. О своей догадке, смущаясь и принося извинения, друг рассказывает мужу Агаты. Муж, конечно, рассержен: супруга вне подозрений. Тем более его жена в девичестве – баронесса фон Шталь, а вовсе не какая-то мадемуазель Жази или Жари, как уверяет друг. Быть может, рассердившись, муж разрывает отношения со старинным другом, грозя дуэлью, если тот посмеет сеять сплетни, но... Но подозрения имеют свойство разрастаться.

Первый раз семейное счастье, наверное, устоит. Только трещинки сомнений появятся... А потом непременно объявится другой знакомый или приятель, который узнает в замужней женщине воровку, заманчиво и дерзко обокравшую его. Ничего удивительного: многовато состоятельных мужчин жаждали получить от нее любовь и ласки, но остались ни с чем. Пойдет слух, разговоры, которые не удержишь. В Петербурге умеют сплетничать. И тут картонное счастье сгорит папиросной бумажкой. Позор для супругов, муки развода...

Даже если повезет и пройдут годы, прежде чем некрасивая тайна откроется, мысль об этом будет медленно отравлять. Отравит уже первые мгновения свадьбы, когда молодые подойдут к гостям для поздравлений.

А если это случится уже на свадьбе? Если среди гостей окажется обиженный господин...

Как поступить ей теперь? Молчать, надеясь, что пронесет? Или пойти на выгодный риск: признаться сейчас, пока не поздно? Она не могла решиться ни на что...

Поезд пошел медленно, совсем тихо и вскоре остановился. В окне показался вокзальный павильон с широкими окнами и колоннами, подпиравшими крышу. По вагону прошел кондуктор, объявляя, что в Клину стоянка будет короткой: пятнадцать минут.

В окно купе виднелся вокзальный буфет. На столике перед ней красовались ваза с фруктами, блюдо с холодными закусками и хрустальные графинчики, сверкавшие легкими винами. Назло угощению от жениха, заказанному в дорогу, ей захотелось простого лимонада. Прислонив ухо к стенке и убедившись, что жених безмятежно сопит, она вышла из вагона.

Появиться даме без сопровождения в вокзальном буфете – вызывающе неприлично. Официанты косились. Клинский буфетчик был столь либерален, что не отказал одинокой даме в бокале оранжада. Мадемуазель села спиной к вагону, разглядывая через окна привокзальные строения. Ее столик отделяла ширма цветастого шелка, без чего нельзя представить провинциальный шик. Оглянувшись, она отметила пару мужских силуэтов на рисунках ширмы. И невольно прислушалась к чужому разговору, что простительно даме, скучающей с оранжадом.

– Ну, так как же теперь? – спросил мужской голос, прихлебнув из пивной кружки.

– А что такое? – ответил собеседник, выпуская папиросный дым.

– Так ведь конец нашей затее...

– С чего ты взял?

– Ну как же, у всех свадьбы, – сказал первый, звякнув кружкой об стол.

– Э, брат, – его спутник закашлялся. – Какие пустяки... Наш клуб веселых холостяков такой ерундой не сломить...

– Полагаешь?

– Не только полагаю, делом докажем...

– Это как?

– Прихлопнем невест, как надоедливых мух, – плохо различимый господин легонько шлепнул по столу. – И останется от них мокрое место. Раздавим, как букашек...

– Ишь ты, – не без интереса сказал его спутник. – А граф не будет возражать?

– Да что ты! Граф наш только рад будет... У него когда свадьба?

– В конце следующей недели...

– Ну вот, с нее и начнем. Накажем невесту графа... А там за остальных возьмемся.

– И то правильно... Давно пора их, понимаешь, вот эдак...

На рисунке ширмы взметнулась тень кулака. Забыв про оранжад, мадемуазель слушала, боясь выдать себя.

– Проучим так, чтоб остальным неповадно было, – сказал второй, давая папиросу в пепельнице. – Надолго запомнят... В прах земной сотрем... А то взяли манеру: невесты, свадьбы, все с ума посходили... И матушку Гусыню не пощадим, свое получит сполна, змеюка... Вот тут наша затея и прогремит на всю Москву и Рассею... Ну, пойдем, а то опоздаем...

Зашаркали стулья. Тени на шелке исчезли.

Выглянув из-за ширмы, мадемуазель увидела удаляющиеся спины в светлых, уже летних костюмах и шляпы, сдвинутые на затылок. Заговорщики шли на второй путь к поезду на Москву.

Ничем не примечательные господа. Замышляют убийства. В этом нет сомнений. Она слишком хорошо изучила примитивный животный механизм – мужчину. Известный тип мрачных ненавистников женщин, для которых чужая свадьба хуже своих похорон. Сами не женятся и другим не дают. Ленивые сычи, отравляющие жизнь брюзжанием. Но эта парочка явно способна на поступок. Клуб веселых холостяков завели, значит... Нет, шайка точно планирует дерзкие преступления. Мелкими пакостями дело не ограничится.

Станционный колокол ударил три раза. Кондуктор петербургского поезда крикнул из тамбура, что состав отправляется.

На следующей станции послать телеграмму в Москву? Господин Эфенбах, начальник Московского сыска, пожалуй, выскажется по-своему о женских страхах. На господина Пушкина надеяться нечего. Не человек он, а бесчувственная глыба льда... Что блестяще доказал...

Да и что сообщать? Не известны ни имена, ни чины, ни приметы убийц, даже цвет волос и примерный возраст... Дружки какого-то графа. Какой в этом толк! Графов в Москве, что галок у Кремля...

Паровоз дал прощальный гудок.

Поезд сейчас тронется, только успеть добежать до вагона.

Сомневаться нельзя.

Глотнув оранжад для храбрости, она побежала. На бегу попросила прощения у жениха за то, что не найдет невесту, когда проснется. За то, что ломает карточный домик его счастья. Так будет лучше для обоих. Он еще отыщет достойную жену.

Толкнув опешившего кондуктора вагона II класса, мадемуазель прыгнула на подножку, тяжело дыша и улыбаясь. Семейное счастье не для нее. Ей не суждено выйти замуж, так будет спасать московских невест, чем рассчитается за прошлые грехи.

В тамбур ударил встречный ветер.

Держась за поручни, она проводила взглядом поезд, увозивший в Петербург жениха и багаж. Безрассудный поступок лишил всех вещей. Нет даже сменного платья. Сущий пустяк по сравнению с кошмаром, от которого она сбежала. К тому же не все так плохо: с ней шелковая сумочка. Опыт, который она усвоила благодаря карьере великой воровки, гласил: будь готова к неприятностям, королева брильянтов, в любом случае рассчитывай только на себя...

Случай настал...

25 апреля 1894 года

Начиная с Рождества каждая незамужняя девица Москвы считает дни в «Русском календаре»⁵. Интересует ее не приход весны или лета, посев пшеницы или возвращение перелетных птиц, начало охотничьего сезона или рыбной ловли. С замиранием сердца она ждет, когда же наступит самое замечательное, если не сказать волшебное время, которое в народе именуется Красной горкой.

Начинается Красная горка с первого воскресенья после Пасхи и длится до Недели Всех Святых после Троицы. В эти дни каждая незамужняя девушка мечтает о браке, а ее родители – отдать жениху приданое и вздохнуть с облегчением: наконец-то избавились.

Жениться на Красную горку – не только гарантия, что жить с мужем будешь долго и счастливо, в богатстве и достатке, в любви и верности и умрешь с ним, окаянным змеем, в один день в окружении любящих потомков. Это еще суровая необходимость. Тут правила диктует календарь, вернее, непререкаемая традиция, по распорядку которой выходили замуж и матери, и бабушки, и прабабушки созревших невест. Первое сватовство случается на Святки, когда принято ездить в гости. Тут молодые люди знакомятся и приглядываются. Присматриваются и родители: насколько хорош жених, чего от него ожидать, сколько запросит приданого за свою любовь до гроба. Если пламя любви не задули материальные причины, в переговоры вступает сваха.

На свадебную дипломатию уходит месяц, а то и полтора. Глядишь – уже Великий пост: шесть недель и Страстную седмицу венчания запрещены. Также нельзя венчаться в неделю перед Постом, то есть в масленичную, и в неделю после Пасхи – Светлую седмицу. Кому совсем невтерпеж, успевают жениться на мясопустной неделе, еще до масленичной. Однако на эти свадьбы смотрят без должного почтения, даже с некоторым сожалением: дескать, обстоятельства вынудили. Надеясь на «известные причины», которые заставляют невесту быстрее выйти замуж. Что поделать, злые языки клещами не вырвешь.

На Красную горку наступает сезон свадеб. Невеста переполнена радостью, родители рыдают от долгожданного счастья, а жених... ну а что жених? Он тоже счастлив. По-своему. Раз кругом все счастливы.

В общем, если когда и жениться в Москве, то на Красную горку. Причем лучше успеть в неделю до второго воскресенья после Пасхи. В этом году особенно. Сразу за ней наступает май. Месяц чудесный, радостный, весенний. Жениться в мае никто не запрещает. Но ведь потом всю жизнь будешь маяться, о чем каждой невесте доподлинно известно, не говоря уже о ее мамушке. Нет, не будем в мае играть свадьбу, и уговаривать нас не надо... Нет и еще раз нет. Только в первую неделю Красной горки... Иначе в семейной жизни век счастья не видать.

Сразу после Пасхи Москва преображается. Белокаменная украшается свадебными платьями, как снегом. У нас, к счастью, не Англия, в которой королева Виктория только в сороковых годах нынешнего века завела моду на белые платья. До того бедняжки-невесты выходили замуж в зеленых или черных. У нас белый цвет принадлежит невестам издавна. Потому каждая витрина магазинов модного и готового платья, модных салонов и просто портновских заведений украшена свадебными новинками последнего парижского сезона.

Магазины торгуют миртом и померанцевыми цветами⁶, живыми или искусственными, из каких должен состоять венок на голове невесты и букетики, приколотые на лифе и рукавах. Торговцы сбывают рулонами белые ткани. Кто побогаче, шьют невесте платье из репса, атласа, фая и прочих тяжелых шелковых материй. Другие берут кашмир, альпагу и тарлатан. С вуалью тоже забота: должна быть из хорошего тюля – *tulle maline* или *tulle illusion*, а еще лучше

⁵ Ежегодный справочник разнообразных полезных в жизни знаний, издаваемый Сувориным, включал табель-календарь на год с указанием постов и праздников.

⁶ Цветы флёрдоранж.

из настоящих кружев. Ну и тому подобные хлопоты, никому не интересные, кроме девиц и подруг...

Белый вихрь заметает Москву. Носит по улицам ошалевших невест, их подружек, матушек, тетушек, свах. Среди женского водоворота мелькают тонушие женихи. Нет, положительно свадебный сезон в Москве – самое волнующее время, от которого голова идет кругом, а кошельки пустеют окончательно.

В распахнутое настежь окно городского дома⁷ в Малом Гнездниковском переулке дул простой апрельский ветер, не слишком теплый и ласковый. Кипучей натуре обер-полицмейстера Власовского уже было жарко. Он приказал вскрыть рамы, заклеенные на зиму, и напустил в кабинет весенний холод. Посетитель, который стоял перед ним навтыжку, не любил мерзнуть, особенно весной, но сделал вид вдумчивый и внимающий. Что после многих лет полицейской службы выходило у него на редкость достоверно.

– Это что же такое творится, Михаил Аркадьевич? – спросил Власовский, подставляя ветру спину, а лицо своему подчиненному.

Вопрос ответа не требовал. Статский советник Эфенбах знал наверняка – потому что изучил повадки обер-полицмейстера Москвы как капризы своей жены. Сделав карьеру, какой позавидовал бы любой чиновник, а тем более человек с особым происхождением, доставшимся от родителей, он умел понимать желания начальства и подстраиваться к ним. Потому добрался до почетной и опасной должности начальника сыскной полиции Москвы и удержался на ней.

– Как же понимать, до чего довели мы нашу Москву-матушку родимую? – продолжил Власовский.

Лицо Михаила Аркадьевича выражало суровую готовность защищать Москву до последней капли чернил. При этом перебирал в памяти, что могло так больно ранить обер-полицмейстера. Судя по сводкам, в городе не случилось ничего из ряда вон выходящего: обычные кражонки, несколько несчастных случаев, парочка убийств, уже раскрытых приставами без помощи сыска. Ничего, чтобы смутить дух Власовского в чудесный апрельский день.

– Как могли допустить эдакую мерзость!

Тут Власовский взял со стола газету, «Московский листок», как успел заметить Эфенбах, брезгливо встряхнул, отчего листы хрустнули, и перевернул на последнюю страницу, где печатались объявления частных лиц.

– Ознакомлен с этой пакостью? – Палец обер-полицмейстера указывал на объявление, выделенное жирной рамкой. Признать, что утренние газеты он читал не раньше обеда, Эфенбах не мог.

– Возмущению подобно есть как непостижимо! – ответил он одним из своих блистательных оборотов речи, какие приводили в трепет образованных личностей, а начальство ставили в тупик.

Власовский ничего не понял, но уверился, что начальник сыска разделяет его возмущение.

– Ты только вслушайся! – согнув газету пополам, он приблизил лист к носу, подтвердив подозрения Эфенбаха: полковник слеп, но очки надевать считает невозможным. Ну конечно, начальству носить очки постыдно. Открытие Михаил Аркадьевич спрятал поглубже, почти-точно склонил голову и подставил ухо. Хотя слышал отлично. Как и видел.

– «Письмо женихов невестам Москвы», – прочел Власовский тоном, каким зачитывают указ о начале эпидемии холеры. – «Невесты Москвы! Мы, образованные и интеллигентные женихи, собрали собрание с тем, чтобы вынести резолюцию и довести ее до всеобщего сведения. Сим доводим до вас наше общее мнение: вы вздорные, капризные, избалованные создания, которые воспитаны вашими матушками в безделье и лени. Вы думаете только

⁷ Городской дом – здание, принадлежащее полицейской власти Москвы, канцелярия обер-полицмейстера.

о развлечениях и балах, ваши желания не выходят дальше модного платья и украшений, ваша образованность нужна, чтобы читать слезливые романы и бренчать на пианино модные песенки. Вы пустые и бесполезные создания, которые не могут стать достойными женами. Вы не умеете сносить тяготы жизни и быть надежными товарищами своим мужьям. В ваших прекрасных головках гуляет ветер и посеян вздор. Вам нужны только деньги и богатство. Вы не умеете обращаться по дому и вести хозяйство в ограниченных средствах. Вы умеете лить слезы, падать в обморок и мучить истериками. Брать вас в жены мы более не намерены. О чем сообщаем вам и всех друзей наших призываем последовать нашему примеру. Лучше жениться на горничных и кухарках, чем жениться на вас. Таково наше решение. Примите уверение в нашем полнейшем почтении»...

Отбросив газету как источник заразы, обер-полицмейстер скрестил руки. Лицо его покрыла глубокая печаль.

– Вот натворили, – проговорил он, что не сулило авторам письма ничего хорошего.

– Угодили гвоздем под дых! – поддержал Эфенбах одной из своих поговорок, приводивших в оторопь знатоков фольклора. И не только их...

– И когда? В такой момент... В сезон свадеб... Сколько горьких слез невинных девиц уже пролито... Сколько сердец разбито вдребезги этим пасквилем...

– Уму нерастяжимо! – искренно согласился Михаил Аркадьевич.

А между тем он думал: с чего вдруг такая тревога? Не революционное воззвание, не прокламация, не листовка. Чья-то не слишком умная шутка. Кто-то захотел подразнить девиц. И это удалось. Наверняка Власовский с утра пораньше получил несколько истерических писем от мамаш, выдававших своих дочек замуж и схлопотавших эдакую смачную пощечину. Причем мамаш столь высокого положения, что не заметить их жалоб Власовский не мог. Михаил Аркадьевич имел предположение, кто именно постарался: в Москве всем известно, кто женится, а кто собрался замуж. С другой стороны, лично его вины никакой: цензурой сыск не занимается. Одним словом, правильное письмо. В самое сердце ядовитым змеям попали...

– И с какой наглостью! – сказал Власовский, тыкая указательным пальцем в газету. – Эко вот подписались мерзавцы: «Клуб веселых холостяков»...

– Несть мерзости сей! – согласился Эфенбах. И подумал о странности жизни: за невест переживал одинокий холостяк, никогда не имевший жены, детей и даже кухарки. Обеды и то доставляют ему в кабинет напрямую из ресторана...

– Так что вот, Михаил Аркадьевич, найди мне этих шутников притких, доставь в целости и сохранности... А я уж побеседую с ними по-свойски... Издатель газетенки свое получит, сейчас сам прибежит...

Кулак Власовского припечатал невиннейший «Московский листок». Эфенбах окончательно убедился: невеста из высших сфер узнала свой портрет и закатила скандал мамаше. Та, в свой черед, подняла настроение обер-полицмейстеру. А теперь сыск будет ловить шутников.

– Чтоб в два дня сыскал смутьянов, – потребовал обер-полицмейстер. – Повеселятся они у меня... Навсегда запомнят, как город баламутить и невинных девиц обижать...

Михаил Аркадьевич не стал спорить, насколько девицы невинные, и кто кого обижает – еще большой вопрос. Приказ он принял как неизбежное зло, обещав Власовскому бросить все силы на розыск злодеев. Которым искренно сочувствовал. Под большим секретом, разумеется...

* * *

Важным недостатком Агаты Кристафоровны, который она с сожалением признавала, была истинно материнская любовь к единственному племяннику. Главным же достоинством, в котором постоянно убеждалась, была правота мадам Львовой в любых обстоятельствах и жиз-

ненных случаях. Особенно в тех редких, когда оказывалась целиком не права. Такую уверенность укрепляло мастерство разгадывать ребусы, шарады и математические задачки. Не может дама, отлично владеющая логикой, делать ошибки. Ну не может, и все тут...

Наблюдая, как обожаемый племянник с аппетитом поедает завтрак, приготовленный волшебными руками Дарьи – кухарки, горничной и всем прочим в доме, тетушка раздумывала, как бы выбраться из щекотливой ситуации.

Не так давно она составила блестящий план, который должен был завершиться полной победой, то есть свадьбой. Все рассчитала точно, с учетом характера племянника. Но вместо радостных хлопот на Красную горку, беготни по модным салонам и магазинам, о которых Агата Кристафоровна давно мечтала, получила неженатого племянника, бесцеремонно поедавшего завтрак. С этим она готова смириться. Хуже был полный и окончательный крах надежд увидеть Агату Керн своей невесткой. При этом тетушка отказывалась признать настоящего виновника катастрофы, в которой пострадали все. Но и сделать вид, что ничего не случилось, тоже не могла.

– «Ребус» совсем испортился, – сказала она, аккуратно начиная трудный разговор.

– Неужели, – ответил Пушкин.

Он жевал нечто, до чего ему не было никакого дела. Как и до журнала, который тетушка выписывала много лет. После Великого поста он завел привычку завтракать у нее перед службой. Благо жила тетушка на Страстной площади, в двух шагах от сыска. И сытно, и удобно...

– Представь: совсем перестали печатать ребусы и шарады. Вместо головоломок публикуют глупейшую чушь: какие-то спиритические сеансы, заметки о встречах с привидениями, статьи о животном магнетизме... Кого это может интересовать?

– Откажитесь, – равнодушно посоветовал племянник.

– От чего прикажешь мне отказаться? – насторожилась тетушка, думая, что Пушкин опять намекает. С некоторых пор в каждом его слове Агате Кристафоровне чудился намек: будто обвинял ее в авантюре.

– От подписки, – сказал Пушкин, громко прихлебнув из чашки.

– Ах, что говорить о таких пустяках. – Она недовольно отодвинула чашку. – Друг мой, хватит скрывать... Я все вижу... Доверься мне...

Племянник не удостоил тетушку взглядом и доверяться не спешил. Он ел, не понимая вкуса завтрака.

– Вижу, как ты страдаешь, – продолжила она, не дождавшись от Пушкина ответа и решившись идти до конца. – Вижу и всем сердцем хочу тебе помочь... Знаю, как болит твоя душа и разрывается от тоски... Но и ты должен понять: что ей оставалось делать?

Пушкин молча жевал.

– Ты знаешь, что у женщин всего три возраста? – распаляясь, продолжила тетушка. – Вам, мужчинам, этого не понять. Вам все равно сколько: хоть восемнадцать, хоть тридцать... У женщины не так. От шестнадцати до двадцати пяти лет она барышня. В этом возрасте она должна выйти замуж. От двадцати шести до сорока лет она уже женщина почтенных лет. Надежды на брак почти утеряны. А после сорока она навсегда входит в преклонные лета... Тут уже ждать нечего... Конечно, бывают исключения, но мы не о них...

Агата Кристафоровна в порыве откровения не подумала, в какой возраст определила себя. Пушкина больше интересовали остатки яичницы на тарелке, чем возраста женщин.

– И что было делать милой Агате? – воскликнула тетушка. – Ей двадцать шесть, последняя надежда выйти замуж. Конечно, она будет использовать такой шанс... Ты ведь ничего не сделал, ухом не повел, пальцем не пошевелил, чтобы не упустить ее... Ты совершенно не понимаешь женщин, мой дорогой! А теперь сидишь в тоске и печали. Но сделанного не воротишь! Агата для тебя потеряна навсегда. Она уехала в Петербург со своим женихом, там выйдет замуж и больше не вернется. Она исчезла из твоей жизни. И знаешь, кто в этом виноват? Ты один.

И только ты! Упустил свой шанс... По своей лени и, извини меня, непроходимой глупости... Хуже Подколесина, честное слово...

Произнеся пламенную речь, Агата Кристафоровна рассчитывала, что племянник бросится просить прощения или хоть слезинку уронит.

Ничего подобного. Пушкин вытер тарелку куском хлеба, что было сущим варварством, но сделало комплимент кулинарным талантам Дарьи, и как ни в чем не бывало допил свой чай.

– Невозможно, – сказал он.

– Что невозможно? – Тетушка уже сердилась по-настоящему.

– Чиновник сыска не женится на преступнице. Даже бывшей.

– Почему же?

– Мадемуазель Керн была и останется воровкой...

– Дурак ты, хоть и чиновник, – в сердцах заявила Агата Кристафоровна. – Мало ли что было у девушки до замужества? Она стала бы чудесной, любящей женой... Но что об этом говорить... Забыли и не поминаем... По глупости, упрямству и гордыне потерял свое счастье...

Пушкин с сытым видом откинулся на спинку стула.

– С чего взяли?

– Что я взяла? – опять услышала намек тетушка.

– С чего решили меня женить? Раньше в этом пороке замечены не были...

Тут терпение Агаты Кристафоровны лопнуло окончательно. Встав из-за стола, она с грохотом отодвинула стул.

– Я хочу женить тебя? Что за вздор! Меня вполне устраивает неженатый племянник. Так хорошо жить одному! Ни жены, ни дома, ни детишек... Похоть в доме терпимости утешил, обеды – в ресторане или у тетушки, прачка стирает и выгладит, портной сорочку сошьет. Чего еще желать тридцатилетнему дураку? Разве чтобы тетка поскорее умерла, тогда и вовсе свобода...

На глазах у нее выступили настоящие слезы. Чего Пушкин не мог допустить.

– Тетушка, что вы хотите от меня?

Именно этого она и ждала. Обожаемый Алёша, которого она вырастила и обучила решать ребусы, свет жизни, бескрайняя любовь, виновник поражения ее великого плана, готов загладить вину. Она промокнула глаза уголком шали.

– Хочу познакомить тебя с одной чрезвычайно милой дамой...

– Свахой?

Догадливость Пушкина иногда раздражала. Агата Кристафоровна виду не показала.

– Ну почему сразу сваха?

– Знакомить с лореткой⁸ вы бы не стали, – ответил Пушкин и получил увесистый шлепок по затылку.

– Не смей со мной так разговаривать! – напомнила тетушка, кто есть кто. – Ты не у себя в сыске. Там и выражайся... Да, иногда мадам Капустина помогает устраивать счастливые браки. Уважаемая и славная дама, Фекла Маркеловна...

– Тетушка, давайте напрямик к невесте, – попросил Пушкин.

Мужская прямолинейность – хуже иголки под ноготь. Но выбора не было.

– Прекрасная московская семья, давно их знаю. – Тут мадам Львова прочистила горло. Врать она не умела, но признаваться племяннику, что услышала об этом семействе три дня назад, не следовало. – У вдовы Бабановой две дочери, чрезвычайно милые и славные барышни. Такие прелестные цветочки... Одна из них, Астра Федоровна, на этой неделе выходит за графа Урсегова. Ее сестра, Гая Федоровна, будет рада знакомству с тобой... Семья состоятельная,

⁸ Проститутка.

купеческая, вдова наследовала по недавно скончавшемуся мужу свой дом на Тверской и торговлю шерстью под фирмой «К. М. Бабанов и сыновья»...

– Раньше пренебрегали купеческим сословием.

Агата Кристафоровна была готова к трудному вопросу.

– Милый мой, времена меняются... Старые принципы не в чести. Сегодня всяк хорош, у кого счет в банке, акции и состояние...

– Как велико приданое?

Деловитость племянника несколько покорила. Тетушка грустно улыбнулась.

– Вот познакомишься поближе и узнаешь... Думаю, недостатка не будет...

– Сколько лет невесте?

Кажется, племянник забыл, что тетушка не у него на допросе.

– Исполнилось шестнадцать... Как раз для замужества... Так что скажешь?

Встав из-за стола, Пушкин оправил сюртук и чмокнул родственницу в щеку как хорошо воспитанный мальчик.

– Нет.

Она накрепко вцепилась в его рукав.

– Алексей. – Так называла племянника, когда сердилась. – Разница в возрасте не имеет никакого значения... Поверь мне...

– Нет...

– Гая Федоровна умная, воспитанная в пансионе барышня...

– Нет...

– Ты сможешь оставить службу и жить обеспеченной жизнью, а я наконец понянчу внуков!

– Тетушка, простите, нет...

– Ах так? – закричала Агата Кристафоровна, толкнув Пушкина в грудь. – Тогда ноги твоей в доме моем не будет! Обедов и завтраков Дарьи никогда не вкусишь!

Он поклонился и пошел в прихожую.

– На порог не пущу! – кричала она в полном отчаянии. – Не смей появляться, пока не одумаешься! Ты мне больше не племянник... Ярываю с тобой всяческие отношения... Знать тебя не желаю... Видеть не хочу...

Тетушка еще кричала в запальчивости разные выражения, о которых потом всегда сожалела. Но тут хлопнула дверь. Никаких сомнений: Пушкин не покорился. Ушел. Разорвал с ней родственную связь. Ничего не пожалел. Такой упрямец. Стальной характер и ледышка вместо сердца...

Что ей теперь делать?

Упав на стул, Агата Кристафоровна крикнула Дарье, чтобы та принесла графин с настойкой и рюмку. Сердце требовало крепкого успокоительного.

Она успела одолеть три рюмки, что заняло не слишком много времени, когда дверной колокольчик робко звякнул. На радости, что племянник одумался и вернулся, тетушка бросилась в прихожую и распахнула дверь.

Перед ней стоял немного не Пушкин. То есть совсем не Пушкин. Категорически не он.

– Ты? – в изумлении выдохнула Агата Кристафоровна, забыв о приличиях. – Откуда? Как? Что?

Словно смущаясь, Агата сжимала сумочку.

– Позвольте мне войти, мадам Львова?

* * *

Сыскная полиция сидела на голове обер-полицмейстера, то есть занимала третий этаж городского дома. Что было удобно Власовскому и доставляло лишние хлопоты Эфенбаху. Поднявшись к себе в некотором расстройстве чувств, он отобрал у Лелюхина «Московский листок» и закрылся в кабинете, потребовав не беспокоить с полчаса. Усевшись в кресло, Михаил Аркадьевич достал заветную бутылку коньяка и немного привел в порядок расшатанные нервы.

Разыскать молодцов, давших пакостное объявление, нетрудно. За этим дело не станет. Хуже, что сыск превратили в мусорную свалку. С любым пустяком суются. Это во французских романах сыщики ловят гениальных преступников. Московский сыск в основном занимался тем, что писал справки, отношения, запросы, проводил розыски беглых, выдворял беспаспортных и тех, кому запрещалось пребывание в Москве. Чаще всего приходилось раскрывать кражи. Убийства случались крайне редко. Воровской мир Москвы обитал кучно на Сухаревке и Хитровке, куда полиция без нужды не совалась, а сыск и подавно. Там в подвалах и ночлежках текла своя жизнь. Кто погибал от ножа или удара молотком или просто зашибся по пьяни, там и оставался: закопают мертвое тело, и как не бывало человека. В полицейский участок не сообщат. У лихих людей свой закон, свои понятия. Сыску оставалась всякая суетливая мелочь.

Кроме нескончаемых мелких хлопот по службе, на шее Михаила Аркадьевича сидела большая беда: племянник. Награжденный родителями библейским именем Мафусаил, он обладал редким даром совершать ошибки там, где никто не ошибется. Причем ошибки чудовищные. Например, умудрился получить отказ от трех невест подряд. В результате чего терпение его матери, сестры жены Эфенбаха, лопнуло, и она рыдала на плече Михаила Аркадьевича. На другом плече рыдала его жена. Что ему оставалось? Со всей строгостью начальника сыска Эфенбах поставил племяннику условие: любой ценой жениться в этот сезон. Понимая безнадежность своего положения, Мафусаил обещал вызвать на помощь из Петербурга товарища, солидного чиновника. Эфенбах возлагал на него большие надежды, хотя и не был знаком лично. Он строго приказал племяннику прислать гостя к нему, чтобы лично разъяснить непростую ситуацию. Чиновник ожидался вот-вот, с ночного петербургского поезда.

Коньяк, как обычно, произвел целительную легкость в мыслях. Михаил Аркадьевич отбросил печаль и приободрился.

В кабинет постучали, Кирьяков сообщил через дверь, что прибыл чиновник из Петербурга.

– Пусти, заходи! – крикнул обрадованный Эфенбах.

Дверь открылась, вошел молодой человек в строгом костюме. И отдал официальный поклон.

В первое мгновение Михаил Аркадьевич подумал, что ему мерещится. Или другая рюмка коньяку была лишней. В следующее мгновение он удивился так, как давно не удивлялся ничему. Пожалуй, если бы на пороге кабинета появился Моисей со скрижалями, он и тому поразился меньше.

– Ванзаров! – выпалил начальник сыска. – Куда?

– Честь имею, господин статский советник, – ответил хмурый юноша. – Зефирчик... Простите, Мафусаил передал вашу просьбу явиться... Не мог послушаться приказания...

– Как его в кого обозвал?

Несколько смутившись, Ванзаров извинился, что по привычке сболтнул студенческую кличку друга.

И тут Эфенбах вспомнил все. Ну конечно, как мог забыть! Ведь этот клубок неудач, его племянник, учился не в Москве, а в Петербурге! Учился на факультете классических древ-

ностей, где обитал и этот малопрятный субъект... Они были однокашниками... Теперь все понятно... Михаил Аркадьевич еще не забыл, как несколько месяцев назад, в декабре, этот юноша попортил ему кровь, взявшись раскрывать забытые в шкафу дела. Ну и везде совал свой нос...

– Ванзаров, раздражайший мой, – проговорил Эфенбах, смирившись с неизбежным. – Оно значит по кривой березе, не иначе Елиезером вас нынче величать?

Ванзаров сдержанно кивнул. Небуйная цветастость речи начальника сыска задела его. Неплохо зная Ветхий Завет, Михаил Аркадьевич язвительно сравнил юного чиновника из Петербурга с рабом Авраама, которого тот послал в Месопотамию за невестой для его сына Исаака. Елиезер встретил Ревекку с кувшином воды у колодца и сразу понял, что она избраница. Он подарил ей драгоценные серьги с запястьем и привез в дом Авраама. Исаак увидел Ревекку, влюбился и взял в жены⁹. После чего они родили Иакова и Исава, а всемирная история пошла своим чередом.

– Мы с Зеф... с Мафусаилом старые приятели... Обязан помочь, – ответил он.

– Ну-ну... Дружба дружбой, а дело поперек. Раз друзья состаренные, не вам открывать таланты подружка вашего, – сказал Эфенбах.

– Имею представление, господин статский советник...

– Живым бы остаться, вот оно куда загогулилось...

– Сделаю, что смогу...

– Нет, не смогу, – строго заметил Михаил Аркадьевич. – Без невесты не появляться даже думать посметь. Чтобы как огурец под венец отправился на неделе...

– Так точно...

– Не точно, а зарубите свадьбу, натравлю, раздражайший мой Ванзаров, всех матушек Москвы... И шкуры не пожалею!

Для острастки Михаил Аркадьевич погрозил пальцем, что было излишним. Ванзаров представлял всю сложность задачи. Обещав приложить возможные и невозможные усилия, он покинул кабинет, как раз когда Пушкин появился в приемном отделении сыска. Поздоровавшись с юношей, он спросил:

– Что занесло в Москву?

– Другу надо помочь, – ответил тот.

– Будьте начеку...

– Да я уже знаю...

– Еще нет. Появляться молодому человеку в Москве на Красную горку – рискованный поступок.

– Почему?

– У нас много невест и мало женихов. Каждый жених на вес золота. Юный чиновник из Петербурга – лакомый кусочек. Съедят, и не заметите...

– Да я в Петербурге уже несколько... – замялся Ванзаров.

– Сбежали от невесты? – строго спросил Пушкин.

– Ну, как бы сказать... Не то чтобы совсем сбежал... Скорее, как бы сказать...

– Невеста не подошла?

– Невесты прекрасны, – оглянувшись, Ванзаров понизил голос. – Откровенно говоря, меня немного смущает, когда нельзя прийти в дом, чтобы тебе не строили глазки, не делали намеки, не выпрашивали о жалованье и видах на карьеру... Дикая вакханалия брака... Какое-то дионисийское безумие маменек и дочек охватывает...

– Долг женщины – продолжать род.

⁹ Книга Бытия, глава XXIV.

– Не возражаю... Но я полюбить хочу всем сердцем... Искренно и честно... А не так, будто тебя, как поросенка, в лавке сторговали... Стыдно ведь...

Пушкин не мог ни одобрить, ни пожурить юного чиновника.

– Повторю: выбрали худшее место, чтобы спрятаться от женитьбы.

– Ну что может случиться со мной в Москве? Мирный патриархальный город...

– Посмотрим, как заговорите вскоре. Будьте бдительны.

Поблагодарив за совет, Ванзаров обещал не упустить момента, когда ему на шею накинута золотая петлю, и побежал вниз, где дожидался институтский друг. На всякий случай Мафусаил решил не показываться на глаза дяде.

Убедившись, что Ванзаров исчез, Михаил Аркадьевич выглянул из кабинета и созвал свою армию, состоявшую из четырех чиновников, включая Пушкина. Армия, прямо сказать, невелика, но дела свернуть может великие. Или дров наломать.

Уж как придется...

* * *

Усадив нежданную гостью завтракать, Агата Кристафоровна отправилась на кухню: оттянуть трудный момент и собрать разворошенные мысли. Появление Агаты не входило в ее планы.

– Отложили поездку в столицу? – спросила она, ставя на стол тарелку и чашку.

– Сошла с поезда в Клину, – ответила Агата, будто любая невеста поступает так и не иначе.

Тетушка поняла: случилось худшее из возможного, мадемуазель Керн бросила прекрасного жениха. И теперь... Что случится теперь, даже ее ум, тренированный ребусами, не мог предвидеть.

– Вероятно, между вами произошла небольшая размолвка?

– Порвала с ним. – Агата улыбнулась. – Порвала окончательно.

В ответ Агата Кристафоровна с усилием растянула губы.

– Но, миленькая моя, не слишком разумный поступок...

– Это было неизбежно...

– Но почему же?

– К сожалению, поздно поняла, что прошлое вернется и принесет много горя и мне, и ему... Лучше отрубить сразу, чем страдать потом... Я не имею права на семью... Это мой крест...

Агата упрямо улыбалась. Не надо решать ребусы, чтобы понимать, чего ей это стоило. Тетушке стало искренне жаль девушку. Так искренне, как она рассердилась на Пушкина.

– Не торопись себя хоронить. Ты молода, красива и еще найдешь свое счастье, – сказала Агата Кристафоровна и поняла, что сболтнула то, чего не следовало. И чего от нее не ждали. Особенно после надежд и планов, которые еще недавно они строили вместе.

Агата сделала вид, что ничего не заметила. Только отвела глаза.

– Мой дорогой племянник оказался полным тюфяком. – Тетушка энергично принялась исправлять ошибку. – Это его вина, он не способен на серьезный и ответственный шаг... Пусть теперь страдает, может, ума наберется... Мужчины не шибко сообразительны, ну не тебе это рассказывать...

– Он ни в чем не виноват, – ответила Агата. – Господин Пушкин такой, какой есть, холодный и честный. Это моя вина, не надо было устраивать глупейшую историю...

– Да, миленькая моя, не стану отрицать, – оживилась Агата Кристафоровна. – Он повел себя как последний мальчишка, но и тебе не следовало проявлять характер... Столкнулись

лбами, как два барана, и разбежались в стороны... Хорошенькое дело... Ну, что об этом вспоминать... Что намерена делать в Москве?

– Спасать невест от смерти...

Тетушка подумала, что ослышалась, и переспросила. Агата повторила.

– Каких невест? От какой смерти? Да с чего ты взяла? – Агата Кристафоровна не понимала, куда она клонит.

– На перроне в Клину случайно услышала разговор двух мужчин, которые собираются наказать невест...

– По какой причине?

– За то, что они выходят замуж за их приятелей...

– Кто же эти беспощадные разбойники?

– Не знаю, – призналась Агата. – Разговаривали за ширмой, а когда шли к своему поезду, видела только их спины... Тут я решилась... Прыгнула в уходящий вагон...

Логический ум, коловший ребусы как орешки, кое-что подсказывал.

– Позволь, а вещи твои где? – спросила тетушка.

– Уехали в Петербург, – легкомысленно ответила Агата.

– И у тебя с собой нет ничего?

– При мне сумочка, в ней все, что нужно на всякий случай. Я не пропаду...

Агате Кристафоровне потребовалось залпом осушить чашку остывшего чая.

– Миленькая моя, это авантюра, – сказала она то, что должна была сказать сразу.

– Если не имею права на семейное счастье, надо спасти чужое...

– Позволь. – Тетушка уже сложила кусочки в четкую мозаику. – Ты хочешь сказать, что какие-то неизвестные господа якобы собираются убивать неизвестных невест в сезон свадеб в Москве?

Агата кивнула:

– Выглядит немного странно, но так и есть...

– Наверное, ты разглядела злодеев в поезде?

– К сожалению, не удалось... Прошла все вагоны, но не смогла их узнать...

– В таком случае, ты не знаешь ничего. – Тетушка приняла самый строгий вид. – Бросашь жениха, багаж и устремляешь в Москву спасать неизвестно кого... И это с твоим жизненным опытом...

– В вашем пересказе выглядит глупостью, – сказала Агата.

– Прекрасно, что сама понимаешь... Забудь и не морочь себе голову...

Из сумочки Агата вынула газетный лист, сложенный вчетверо, развернула и положила перед Агатой Кристафоровной.

– Сегодняшний выпуск «Московского листка»... Прочтите письмо женихов невестам Москвы.

Тетушке потребовалось несколько секунд, чтобы пробежать объявление.

– И что такого? – Она отбросила газету, которая закрыла остатки холодной говядины с грибами, недоеденные Пушкиным. – Глупая шутка, розыгрыш... Прodelки гимназистов...

– Письмо за подписью «Клуба веселых холостяков»... Эти двое – его члены, о клубе говорили как о своей шайке...

Довод Агата Кристафоровна сочла не слишком основательным.

– И только? Миленькая моя, это ровным счетом ничего не значит... Случайность...

– Я знаю, кого они собираются убить первой...

В словах Агаты было столько уверенности, что тетушка поддалась.

– Кто же эта несчастная?

– В разговоре преступники упоминали графа, который женится на этой неделе... Я пересмотрела все газеты... Есть только одно подходящее объявление: о свадьбе графа Урсегова и

Астры Федоровны Бабановой... Судя по тому, что объявление дала мать, отец девицы умер... Я навела справки: она купеческая дочь, богатая невеста. У них свой дом на Тверской, уже побывала там. Предупредить не смогла ни мадам Бабанову, ни Астру Федоровну, их дома не было...

В горло тетушки впиалась крошка, она закашлялась и вышла на кухню, чтобы привести мысли в порядок. Если бы речь шла о другой невесте, она бы высмеяла страхи. Но дело касалось будущих родственников... Не брать в расчет смутную опасность?

Вернувшись, Агата Кристафоровна дала самый разумный совет: сообщить Пушкину. Пусть разбирается. И спасает чужих невест, раз свою проворонил.

– Ни за что, – резко ответила Агата. – Чтобы получить очередную насмешку? Лучше я сама.

– Но что ты можешь! – в сердцах выкликнула тетушка. – Охранять невесту?

– Для начала предупредить, какая опасность ей угрожает... С тем и приехала к вам.

– А я что могу?

– Нельзя терять ни минуты... Преступление может случиться когда угодно.

– От меня-то что хочешь?

– Горничная в доме Бабановых сообщила, что Астра Федоровна поехала примерять свадебное платье, но не знает, куда именно... Агата Кристафоровна, вы всех в Москве знаете, скажите, где у купцов принято шить платья для невест?

Вопрос был проще детской головоломки. На днях, когда тетушка познакомилась с мадам Бабановой, та рассказала, где шьет дочери свадебный наряд.

– Да, сложная задачка, – ответила мадам Львова в глубоких размышлениях. – Точно не уверена, но думаю, модный салон Жанны Вейриоль... Купеческие жены ее предпочитают...

Агата вскочила, будто хотела бежать сломя голову.

– Где находится салон?

– Неблизко, в Замоскворечье, на Якиманке...

Уточнив адрес, Агата порывисто обняла Агату Кристафоровну, умоляя ничего не рассказывать Пушкину, пообещала держать в курсе событий и исчезла, как весенний ветер. Оставив тетушку в тяжких раздумьях.

С неожиданным возвращением Агаты образовался ребус, разгадать который даже тренированному логическому уму было не под силу... Ведь что получается: тетушка все обсудила со свахой и мадам Бабановой. Пушкина она так или иначе сломает и заставит согласиться. На это можно было рассчитывать, когда Агата недоступна.

А теперь?

Если Пушкин узнает, что она вернулась, хитро сплетенную сеть можно выбросить в печь. Драгоценный племянник Агату не простит, но и к невесте ни за что не поедет... Это значит, она виновата? Ну уж нет...

Плеснув в рюмку настойки, Агата Кристафоровна крикнула Дарье, чтобы убирала со стола. Она знала, что должна что-то предпринять, только не могла сообразить, что именно. Ну не мириться же с Пушкиным...

* * *

Недельное совещание у начальника сыска проходило по заведенному обычаю. Каждый чиновник докладывал о делах, которыми занимается, выслушивал наставления Эфенбаха, после чего господа расходились, довольные недурно проведенным временем. Однако сегодня настроение Михаила Аркадьевича сулило неожиданные хлопоты. Так не вовремя.

У каждого из чиновников на ближайшую неделю были заманчивые планы. Юный Актаев был приглашен дружкой на свадьбу своего приятеля, а сегодня назначен мальчишник. Василий Яковлевич Лелюхин удостоился чести быть посаженным отцом на свадьбе дальнего родствен-

ника и вдобавок получил приглашение в качестве почетного гостя на свадьбу дочери купца, которого выручил в одном щекотливом деле. Больше всех забот намечалось у Кирьякова: побывать на пяти свадьбах. Шутка ли! Чтобы такое выдержать, нужно иметь богатырское здоровье. Да и сам Эфенбах пребывал в тяжких раздумьях о судьбах племянника, но более о том, что ждет его дома, если негодный Мафусаил не женится. Только Пушкина сезон свадеб оставил безразличным. Сидя за столом совещаний, он позевывал и жмурился, будто боролся со сном.

Доклады пошли своим чередом. Кирьяков рассказал, сколько справок и отношений подготовил, Актаев отчитался о поимке вора на Лубянке. Настал черед Лелюхина.

– Ну, как у тебя что завелось, Василий Яковлевич? – нетерпеливо спросил Эфенбах, которому хотелось поскорее отбыть на обед.

– Обычным порядком, – ответил тот. – Однако есть некоторые обстоятельства...

Михаил Аркадьевич насторожился: опытный сыщик зря слов на ветер не бросает.

– Как это что? – спросил он.

– Да вот, такие странности, извольте знать... Сообщают из участков, что невесты пропали...

– Умыкнули? – не без ехидства заметил Кирьяков.

За что получил строгий жест от начальства.

– Ты это туда брось мне... У нас тут Москва, а не Кавказ, чтобы невест умыкать...

– Непохоже, чтобы умыкнули, – согласился Лелюхин. – Вроде как сами исчезают...

– При каких обстоятельствах? – спросил Пушкин, еще позевывая.

– Да никаких особых обстоятельств...

– Родители невест что говорят?

– Известно, что говорят...

– Василий Яковлевич, введите в суть дела, – попросил Кирьяков, которому надо было еще успеть отгладить парадный костюм перед сегодняшней свадьбой.

Тут Эфенбах выразил намерение разобраться. Лелюхин рассказал странную историю.

...На прошлой неделе в разных концах Москвы, в Мясницкой части и на Сретенке, случились похожие происшествия. Молодой человек встречается барышню пристойного вида, не из бедных, судя по платью, красавицу и влюбляется настолько, что готов бросить к ее ногам свое сердце в обмен на ее руку. Барышня явно показывает, что молодой человек ей симпатичен, готова продолжить знакомство и согласна побывать с ним в театре. В театр не приходит, исчезает без следа.

– Крадет деньги, часы, перстень? – оживился Пушкин.

– В том-то и дело: о деньгах речи нет, ничего не пропало, – ответил Лелюхин.

Повисла тишина, когда никто не знает, какую умную мысль следует изречь.

– Ну и какая нам тревога, соколы мои раздражайшие? – изрек Эфенбах. – Не перчатки, найдутся...

Лелюхин хмыкнул, как будто не знал, как сказать напрямик.

– Фокус в том, что молодые люди стали разыскивать барышень по фамилиям в адресном столе...

– Нам эти фамилии известны? – быстро спросил Пушкин.

– Нет, Алексей, не наших дел, – ответил Лелюхин, понимая, о чем не стал спрашивать приятель. – Обе совсем молоденькие, по шестнадцать исполнилось.

Пушкин намек понял: это не новые проделки Агаты. Исключено...

– И что там, куда в них? – не вытерпел Эфенбах.

– Молодые люди адресочки нашли, явились с визитом и обнаруживают, что их красавицы... умерли. То есть, можно сказать, исчезли окончательно... Родители в слезах, в доме траур, юнцов с букетами неуместными с порога гонят. С тем они и являются в участок.

– Отчего девушки умерли? – спросил Актаев, найдя удобный случай войти в разговор.

– Обычная история: сердце... Доктора заключение составили: юные создания слишком нежные, переволновались, сердечки не выдержали нагрузки... Ну, дальше женихи в расстроенных чувствах жалуются, а приставам такими историями заниматься недосуг, к нам отсылают...

– Сколько девиц набралось? – спросил Пушкин.

– Двое... Некая Маклакова и Лабзова, – ответил Лелюхин, запоминавший любые подробности дела. – Я в сомнении, что тут поделать...

Михаил Аркадьевич услышал достаточно. Мало ли каких глупостей в Москве случается, особенно когда у всех голова кругом от свадебного сезона. Решительным взмахом он разрубил невидимый узел.

– Забыть и растерзать, – приказал он и бросил чиновникам «Московский листок». – Вот заноза: разыскать шалунов, которые пакостями бумагу портят и наглостью умы честных жен смущают... Доставить самолично... Леонид Андреевич, возмись за оглоблю, да не говори, что не муж... Немедля!

Кирияков ответственно кивнул, про себя прикинув, что визит в газету и выяснение, кто подал объявление, можно отложить до завтра... Никуда злодеи не денутся.

– А что нам скажет раздражающий наш сокол ястрокрылый, месье Пушкин?

Потеряв интерес к происходящему, Пушкин картинно зевнул и поморгал сонными глазами. Он мог доложить о скучнейших делах, которыми занимался, чтобы не ошалеть от тоски. Но вмешались внешние силы.

Силы предстали в виде городского, который образцово отдал честь и просил проследовать с ним чиновника сыска. Не абы какого, а лично господина Пушкина непременно требуют. Пушкин как мог отказывался от такой чести, но желающих заменить его не нашлось. Даже Лелюхин не готов был в праздничном настроении тянуть сыскную лямку. Городовой, не разъясняя, что случилось, упрямо настаивал, что дело чрезвычайной важности.

Споры прервал Эфенбах, строго и внушительно приказав в своей манере: «Куда направить стопы главы своей». И Пушкин пошел за городovým.

В переулке перед домом дожидалась пролетка. Не полицейская из участка, а обычный извозчик. Городовой уверял, что ему выдали проездной рубль, что вызвало удивление: неужто пристав расщедрился на пролетку? Небывалое дело...

Пушкин сел на диванчик пролетки, городской не посмел сесть рядом, устроился на откидной скамеечке за спиной извозчика и приказал: «Давай обратно». Путь оказался неблизкий: в Спасоналивковский переулок, что находился во 2-м участке Якиманской полицейской части Москвы.

* * *

На Тверской у кондитерской «Абрикосов и сыновья» собралась толпа, которую безуспешно просил разойтись городской. Интерес притягивал визгливый голос кухарки, она истерически жаловалась на жуткую обиду, с ней учиненную: идет она, дескать, мирно, никому не мешает, и тут вихрем налетает эта сумасшедшая, сбивает с ног так, что бутыль молока вдребезги, и как она теперь на глаза хозяйке покажется, кто убыток возместит?

Страшную историю кухарка выплакала в третий раз, добавляя новые ужасные подробности. Виновница трагедии стояла перед ней, опутив глаза и пытаясь оправдываться: не хотела сбивать женщину, а нечаянно споткнулась...

Городовой видел, что барышня совсем не преступница: хорошо одета, в модной шляпке, молоденькая, ручки чистенькие, трудом не испорчены, лицо немного полноватое, как у ребенка, над которым хлопочет заботливая мамаша. Неужели вести в участок? Этого требовала кухарка визгливыми воплями. Городовой тихонько предложил барышне возместить убыток. Она, смахнув слезинку, призналась, что нет ни копейки, но если немного подождут, сходит

домой, тут недалеко на Тверской, и принесет сколько нужно. Городовой окончательно убедился в наивности ребенка. А кухарка вцепилась ей в руку, требуя арестовать, иначе сбежит, негодная.

Чем бы закончилось уличное происшествие – неизвестно, но тут, на счастье городского, с пролетки решительно прыгнула барышня. Растолкав зевак, ворвалась в самое пекло скандала, закрыла собой плачущую преступницу и потребовала у кухарки объяснений: по какому праву та орет? Городовой отметил, как похожи эти двое, хотя прибывшая лицом более худа, а волос рыжий, не в пример черненькой. Он подумал: наверняка сестры.

Кухарка завела плач, указывая на белую лужу и осколки. Рыжая барышня, выдернув из сумочки красную ассигнацию, сунула в краснощекое лицо, подхватила за руку черненькую и потащила напрямик в кофейную. К облегчению городского и огорчению зевак: развлечение быстро кончилось. Кухарка на полученную сумму могла теперь залить молоком кухню, что злило ее ужасно, но обругать было некого. Она только погрозила кулаком в окно кофейной, тяжело вздохнула и отправилась назад в лавку.

А спасенная барышня и ее спасительница сели за дальним столиком, заказав горячий шоколад. Надо заметить, что кондитерская Абрикосова привлекала молодых барышень свободными нравами. Одно из немногих мест, где им негласно, разумеется, разрешалось выпить кофе с пирожным без сопровождения мужчин. Что делало заведение чрезвычайно популярным среди дам, особенно незамужних. Не говоря уже о сладостях, которые не оставят равнодушной ни одну женщину.

– Спасибо, сестрица, выручила, – тихо проговорила черненькая. – Совершенно случайно споткнулась об эту ужасную кухарку...

Сестра пропустила благодарность мимо ушек. Как видно, происшествия такие случались постоянно. Не говоря уже о чашке, которую черненькая смахнула с прилавка по пути к столику.

– Пустяки, Гая, – сказала она, бросая сумочку на стол. – Есть обстоятельства куда более серьезные...

– Астра, что случилось? – утерев глаза, спросила Гая.

– Случилось давно, теперь обрело точные очертания, – ответила сестра. – Я его ненавижу... Ненавижу всем сердцем... Он не только негодяй, он подлец и мерзавец... Редкий мерзавец...

Она замолчала, выждав, пока поклонится и отойдет официант, принесший шоколад в чашечках.

Гая испуганно смотрела на сестру.

– Что ты говоришь, он твой жених... Будущий муж... Как же ты будешь жить с ним... Всю жизнь...

– Нельзя жить с человеком, которому желаешь смерти... Искренно, от всей души, – отвечала Астра, глядя на шкафы, в которых были расставлены *конфеты*. – Нельзя выходить замуж за такое отродье...

– Астра, успокойся, – попыталась начать Гая. – Стерпится – слюбится, ты же знаешь...

– Нет, теперь уже не стерпится, – резко ответила сестра.

– Но ведь в Писании сказано: жена да убоится мужа своего...

– А вот об этом что сказано? – Астра бросила на стол сложенный пополам листок.

Гая протянула руку, задев ложечку, которая шлепнула на скатерть шоколадную кляксу. Развернув листок, прочла и тихо охнула.

– Не может быть, – проговорила она, отодвигая бумагу, как острый нож. – Я не верю.

Астра скомкала послание и бросила в сумочку.

– Может, сестрица, может...

– Но ведь это такая гадость... Как он мог... Ты уверена, что это правда? Кто это написал? Может быть, ложь? – Гая искренно старалась найти объяснение.

Такой наивности Астра только улыбнулась.

– Сейчас самой довелось убедиться... Раньше он мне был безразличен, я его не любила, а теперь ненавижу...

Гая зажала ладонями виски, при этом задела локтем вазочку с одиноким цветком. На скатерти растеклось сырое пятно.

– Это ужасно... Так ужасно, что слов нет... Но что теперь делать?

– Что делать? – Астра покрутила ложкой в шоколаде, к которому не прикоснулась. – Не пойду за него замуж. Хоть на цепях потащат – не пойду... После этой гадости...

– Но как же, Астра, это устроить? Покажешь маменьке письмо?

– Ответ маменьки известен: вздор... Ей бы только поскорее сбыть меня с рук... И тебя, сестрица... Мы ей не нужны, мы у нее кость в горле...

– Не говори так, это нехорошо, – сказала Гая, глядя на мокрую скатерть.

– Правда не бывает приятной. – Астра откинулась на стуле. – Мы с тобой, сестрица, не лучше крепостных крестьян... Им дали волю тридцать три года назад, а про нас забыли... Мы в ярме... Пора скинуть это ярмо...

– Но как можно...

– Можно! – вскрикнула Астра так, что на нее стали оглядываться дамы и барышни, сидевшие за столиками и выбиравшие конфеты у прилавка. – Можно... Надо только захотеть. Я поняла окончательно, что не хочу быть как все наши ровесницы... Как наша маменька... Я хочу свободы... Я хочу быть свободной... Иметь права, а не только обязанности... Работать там, где захочу, а не сестрой милосердия или домашней учительницей... Хочу сама зарабатывать себе на жизнь, а не просить у мужа деньги, которые принесла ему в приданое... Я такой же человек, как и любой мужчина. У меня должно быть право выбирать и отказываться... Я не хочу быть приложением к дому, к обедам, к прислуге... Я не хочу рожать детей только потому, что должна быть матерью... Я не корова, не свинья и не курица, чтобы нести приплод или яйца... Я не хочу ублажать нелюбимого мужа только потому, что женщина должна быть игрушкой в его постели... Я человек, а не кукла для мужских прихотей! И если надо, буду драться за свою свободу... За нашу свободу... За свободу и счастье всех девушек... Я знаю, что проиграю в этой борьбе, но наши внуки, или наши правнучки, или даже праправнучки победят... Женщина – значит свобода!

Гая испуганно оглянулась. Почтенные дамы закрывали ладонями уши своих дочерей, другие поспешно убегали, кто-то посмеивался. Но ей стало страшно. По-настоящему... Такой она еще никогда не видела сестру.

– Что ты говоришь, Астра, – пролепетала она. – Это ужаснее того, что сделал он... Счастье женщины в семье, в детях, в покорности... Нас этому учили, а ты хочешь все разрушить... Кем ты будешь? Суфражисткой, над которой смеются... Может, еще наденешь мужские брюки и пиджак, как в водевиле с переодеванием...

– Я буду счастливой, – ответила Астра и толкнула блюдце, добавив шоколада на скатерть. – А если захочу, то и брюки надену, и жилетку, и пиджак... И трубку буду курить с гадким табаком...

– Это приведет к катастрофе... Всех нас... Женщине не нужна свобода, женщине нужна семья... И любовь.

– Женщине нужно счастье, – сказал Астра. – Остальное неважно... Любовь невозможна без свободы... Лучше смерть, чем так жить...

Кофейная опустела, у дальнего прилавка женский голос требовал вызвать полицию, официанты поглядывали с осуждением. Гая попросила сестру расплатиться и поскорее уйти. Астра бросила на столик крупную купюру за шоколад и прочие разрушения.

Поспешно встав, Гая уронила стул, направилась к выходу и столкнулась с барышней в скромном сером платье и шляпке.

– Ой, Василиса! – сказала она, обнимая ее. – А мы тебя не дождались...
– Нашла? – спросила Астра, подходя к ним.
– Просите, что опоздала, – ответила Василиса, тяжело дыша. – Упрямый оказался, ни за что не хотел принимать... Но я уговорила... Ждет нас...
– Где проживает?
– В Пятницкой части. – Василиса развернула газету, которую держала в руке. – Не могла не показать вам...
Сестры стали изучать письмо женихов невестам.
– Какая гадость, – прошептала Гая.
– Отчего же, верно пишут... Согласна с каждым словом, – ответила Астра и вернула газету Василисе. – Жаль, маменька не примет как причину отмены свадьбы... Ждать нечего, едем к колдуну прямо сейчас...
И не желая слушать отговорки, Астра пошла прочь из кофейной.
Барышни послушно следовали за ней. Про себя же Гая подумала, что теперь их долго не пустят к Абрикосову... За подобные разговоры в полицию могут отправить.

* * *

Пристав накрепко усвоил урок, который дал ему предшественник, не по собственной воле ушедший в отставку: «Не ищи неприятностей, они тебя сами найдут». Ротмистр фон Глазенап был один из самых молодых приставов Москвы, ему не исполнилось еще тридцати, а потому сильно старался, чтобы доверенный 2-й участок Якиманской части выглядел в глазах начальства если не образцовым, то среди лучших. Чтоб отчеты исправно писались и происшествий не было. А те, что случались, расследовались молниеносно, и дела закрывались без помощи сыскной полиции. Общественное спокойствие и тому подобное.

Навести образцовый порядок пристав смог, не ударив пальцем о палец. В этой части города в основном располагались старые купеческие дома, в которых проживали почтенные семейства. Безобразничать было некому. Источников заразы – ночлежек, ресторанов и театров – тут отродясь не бывало. Университет далеко, вечно пьяные и бунтующие студенты сюда не забредали. Дворники имелись при каждом доме и гоняли метлой случайный сброд. Приставу оставалось только следить за сменой городских и сообщать о мелких кражах в лавках или пьяных драках в трактирах.

Когда пристава срочно вызвали в Спасоналиковский переулок в модный салон мадам Жанны Вейриоль, чрезвычайно приятной дамы во всех отношениях, он подумал, что подрались портнихи или клиентка мадам устроила скандал, недовольная платьем. Прибыв и желая поцеловать приятно пахнущую ручку мадам, фон Глазенап нашел ее в расстроенных чувствах. Мадам ручку не дала, а махнула ею в сторону двери, выходящей в общий зал. Пристав несколько удивился невежливому поведению всегда милой дамы и в сопровождении помощника Вановского вошел в комнату, служившую примерочной для клиенток.

Причина слез мадам Вейриоль была очевидной. Пристав прочистил горло и оглянулся на помощника, как будто тот должен знать ответ. Вановский был растерян не меньше начальника. Оба полицейских смотрели на тело, не слишком торопясь приближаться. Надо сказать, что фон Глазенап пришел в полицию из армейской пехоты, но трупов боялся до дрожи. Помощник его тоже не слишком любил иметь дело с мертвыми. В участок они заглядывали довольно редко.

Бесполезно ждать, что дело само себя напишет и оформит. Для храбрости одернув португую, фон Глазенап мелкими шажками подошел к телу, лежащему на ковре. И тут заметил предмет, который многое объяснял.

– Так ведь несчастный случай? – спросил он у Вановского, который тоже рассматривал кухонный предмет, оказавшийся не на привычном месте.

– Наверняка упал, – согласился тот.

Пристав с помощником пришли к полному пониманию. Да, будет в участке несчастный случай, но что поделать...

Вановский разложил походную конторку, чтобы составлять протокол, а фон Глазенап стал диктовать описание места происшествия, держась от тела как можно дальше. Заложив руку за ремень, он покачивался на каблуках и выглядел чрезвычайно уверенно – как старается выглядеть человек, отчаянно трусящий.

Протокол несчастного случая подходил к концу, когда в комнату вошел господин чуть выше среднего роста в черном костюме. Пристав хотел было указать, что посторонним сюда нельзя, но узнал его. Это лицо, отдающее холодом, он видел на приеме у обер-полицмейстера. Фон-Глазенап кивнул так небрежно, будто оказывал милость.

– Рад приветствовать, – сказал он. – Не ожидал, что сыскная полиции окажет честь своим визитом.

– Кто вызвал меня?

– Не могу знать... Господин... – Фон Глазенап старательно замялся, вспоминая трудную фамилию. – Господин Пушкин, если не ошибаюсь... Нам чрезвычайно приятно...

Про себя же пристав старался угадать, кто удружил такой пакостью – вызвать сыск. Еще не хватало, чтобы начали тут копать. Неужели мадам Вейриоль от расстройства нервов совершила глупейший поступок?

– Жаль, что вас напрасно побеспокоили, – продолжил он. – Дело пустячное... Даже не дело, а несчастный случай, как видите...

– Несчастный случай, – сказал Пушкин тоном, который сильно не понравился приставу. – Барышня легла на пол, на шею упал утюг, она умерла.

Фон Глазенап глянул на жертву бытового происшествия и вынужденно улыбнулся.

– Мы с господином Вановским считаем, что она споткнулась, пыталась удержаться. Упала и зацепила за утюжок, который неудачно попал на горло...

Пушкин стоял в двух шагах от тела. Заложив руки за спину, он разглядывал погибшую.

На потертом ковре лежала молоденькая барышня не старше семнадцати лет в свадебном платье. Лежала почти прямо, из-под юбки виднелись потертые носки ботинок. Руки вытянуты вдоль тела. Голова чуть повернута к правому плечу. На лице безмятежность, в открытых глазах покой. Довольно милая, но не сказать что красавица, от которой теряют голову. Самая обычная барышня, причем среднего достатка. Обручального колечка на пальце нет. Можно подумать, что она прилегла на ковер отдохнуть, если бы не тяжелый чугунный утюг, который придавил ей горло. Такой утюг нагревают на кухонной плите или керосиновой горелке. Он в салоне первая необходимость: где пригладить, где разгладить. Незажженная горелка виднелась на туалетном столике, около которого лежала барышня. По мнению пристава, утюг соскользнул с горелки и покончил с барышней.

– Тело осмотрели? – спросил Пушкин, не шелохнувшись.

– Нет необходимости, – ответил фон Глазенап без лишних любезностей, показывая, что не позволит сыску совать нос в его дело.

– Личность установлена?

– Пока не смогли...

– Время смерти?

– Какое это имеет значение? – раздраженно спросил пристав.

Пушкин наклонился и потрогал запястье.

– Она мертва больше часа...

Пристав обменялся иронической усмешкой с Вановским.

– Знакомы с криминалистикой, господин Пушкин?

– Знать элементарные сведения судебной медицины входит в служебные обязанности полицейского... Не ждите, пристав, когда на ошибку укажет судебный следователь и вернет дело.

Подобное хамство фон Глазенап терпеть не намерен. Не хватало, чтобы его поучали! И кто! Какой-то субъект из сыска, о котором ходят не слишком лестные слухи. Пристав взялся за эфес пашки, что всегда добавляло уверенности.

– Благодарю, господин Пушкин, за урок. Далее мы справимся сами... Не смею задерживать.

– Как намерены расследовать убийство? – последовал вопрос, которого пристав категорически не желал слышать.

– Убийство? С чего взяли, что это убийство? – все еще сопротивляясь, спросил он.

– Положение утюга говорит, что удар был нанесен лежащему телу. Жертва не могла ни скинуть утюг с горелки, ни споткнуться. Если бы утюг упал, он бы завалился набок. Как видите, гладильная поверхность расположена на шее. Так утюги не падают. Потому что не умеют летать, как птицы. Ковер лежит ровно, без складок. Значит, она не споткнулась. Вывод: ее задушили утюгом...

Вановский давно перестал писать и незаметно толкнул пристава: дескать, что мне делать? Фон Глазенап отмахнулся. Он и сам не знал, что делать.

– Полагаете, кому-то взбрело в голову убить невесту? Но это абсурд...

– Жизнь не математика, строится на абсурде, – ответил Пушкин. – Дверь была заперта изнутри?

– Не могу знать, – поспешно ответил пристав и пожалел. Его наградили таким взглядом, от которого мог задымиться китель.

– Хозяйку салона не опросили. Чем так были заняты? Испугались мертвую барышню? Протокол строчили о несчастном случае?

– По какому праву... – взвизгнул фон Глазенап, но голос подвел, выдал «петуха». Он уже заметил, как помощник старательно комкает исписанный лист. Вот ведь подлец. – По какому праву распоряжаетесь? Желаете взять дело себе? Извольте...

Пушкин представил печальные жалобы Эфенбаха. Но отступить не мог.

– Дело принимается сыскной полицией, – сообщил он. – Извольте вести протокол.

– Как вам будет угодно!

Пристав демонстративно отвернулся и вышел из примерочной, предоставив Вановского с походной конторкой в полное распоряжение сыска. Любезностью Пушкин воспользовался: приказал составить подробный протокол осмотра места преступления.

Вынув чистый лист, Вановский стал описывать примерочную, зачитывая вслух: «Помещение размером пять сажень на шесть, большой диван, зеркало в человеческий рост, вешалка для одежды, на которой висит серое женское платье, окно, выходящее в сад, шторы не задернуты, дверь в салон и на другую сторону дома, туалетный столик с горелкой, бутылкой сельтерской воды, стакан с водой на донышке...»

– Отметьте, что подушки сброшены с дивана, – сказал Пушкин.

Встав над телом, он достал черный блокнот, в каком художники делают эскизы, и карандаш в серебряном футлярике, украшенном сценой охоты. Сделав быстрый набросок, Пушкин спрятал блокнот и нагнулся под туалетный столик. Он поднял пузырек темного аптечного стекла, потертый и поцарапанный, заткнутый стеклянной пробкой старинного фасона. Этикетка на пузырьке была замазана сажей. Внутри виднелись остатки белого порошка.

– Как записать? – спросил Вановский.

– Аптечный пузырек с неизвестным веществом.

Помощник послушно исполнил. Пушкин подошел к платью, висевшему на вешалке. Ощупав дешевый ситец, снял дамскую сумочку.

– Подробно опишите положение тела и утюга... Не бойтесь подойти, она мертвая.

Ослушаться чиновник не посмел. Собрав все мужество, он переставил конторку рядом с погибшей. И старался не смотреть ей в лицо. Чтобы потом кошмары не мучили.

Пушкин вывернул содержимое сумочки на диван.

Барышня имела при себе мелкой мелочи с рубль, помятыми купюрами сорок рублей, две новенькие, как из банка, «екатеринки»¹⁰, свернутые в трубочку и перевязанные алой ленточкой. Для барышни в скромном платье с поношенными ботиночками сумма огромная.

Другой предмет был куда интереснее. Обложка небольшой книжечки размером с ладонь гласила: «Касса взаимопомощи невест. Книжка невесты». Под заголовком виднелась давно выцветшая чернильная надпись «Солнечный зайчик», видно означавшая девиз владелицы книжки. Под ней подпись: «Ведение учета м-м Капустина Ф.М.». Листы книжечки сообщали, что за Солнечного зайчика исправно вносились месячные платежи на протяжении девяти лет. К выдаче приданого ей полагалась тысяча рублей – сумма значительная. Причем получить деньги Солнечный зайчик должна была завтра, как указано в книжечке.

Кроме финансов, в сумочке нашлось приглашение на венчание графа Урсегова и Астры Федоровны Бабановой. Карточка недешевая: напечатана объемным тиснением по контуру в виде замысловатых кружев с золотыми шарами и цветами померанца. В качестве особого изыска имена жениха и невесты, место и время венчания были написаны от руки каллиграфическим почерком.

Клочком бумаги, который Пушкин развернул последним, оказалась скомканная записка: «Пн. Ут. У мат. Гусыни. Лютик».

Почерк быстрый, с характерными острыми углами, будто веселые буквы рвались на свободу, а точки не пускали. Запоминающийся почерк. Раз увидишь – не забудешь.

Собранные улики Пушкин положил на конторку и приказал тщательно занести в протокол. Обязательно переписать номера всех купюр.

– Куда ведет вторая дверь? – спросил он.

Вановский пожал плечами:

– Не могу знать...

Пушкин просил передать приставу распоряжение: тщательно собрать все предметы, относящиеся к делу, жертву доставить в участок и вызвать доктора Преображенского из 1-го участка Арбатской части.

– У нас же свой доктор имеется, – сказал Вановский.

– Сообщите Преображенскому, что я просил сделать подробный осмотр, – будто не слыша, ответил Пушкин. – Пусть проверит бутылку сельтерской и стакан с водой... Могу надеяться, что не забудете вещественные улики и утюг?

Помощник обиженно промолчал.

– Исполнение проверю сегодня же... Проследите, чтобы ассигнации случайно не потерялись и не были заменены на иные... Я запомнил номера...

Дернув ручку, Пушкин обнаружил, что дверь не заперта. За ней открылись небольшие темные сени и дверь, ведущая на улицу. Наверх уходила деревянная лестница. Пушкин поднялся, скрипя ступенями. Этаж занимала одна квартира. Судя по пыли и мусору у порога, пустующая. Для очистки совести Пушкин постучал – ответило гулкое эхо.

Спустившись, он толкнул дверь.

Его ослепили солнечный свет и зелень яблоневого сада.

– Ну наконец-то, сколько можно ждать! – нетерпеливо сказали ему.

¹⁰ На сторублевых купюрах был портрет Екатерины II.

* * *

После обеда на Михаила Аркадьевича нападало философское настроение. Он размышлял о том, как странно устроена жизнь: со своей женой прожил душа в душу столько лет, что уже и не помнил. Но если бы ему предложили вернуться в юность, когда он жадно делал карьеру, и выбор – успех или женитьба, он бы сильно подумал. И еще неизвестно, что выбрал бы.

Женитьба, то есть венчание, вынуждала принять православие. Государственная вера плюс связи родственников жены открывали дорогу по карьерной лестнице. И вот карьера сделана. На большее рассчитывать невозможно. Стать обер-полицмейстером или вернуться в столицу на должность в Министерстве внутренних дел невозможно. Выходит, что женитьба не слишком много дала. Нет, конечно, Эфенбах любит детей, жену и ее родственников, особенно племянника... Но кто знает, где и кем он бы сейчас был, если бы...

Мечтания прервал вежливый стук. В кабинет заглянул Лелюхин и спросил разрешения представить посетителя. Михаил Аркадьевич не ждал от старого чиновника подвоха, а потому согласился.

Вошел моложавый господин, не старше двадцати шести лет, одетый в идеальный сюртук и шелковый галстук. По несколько надменной манере кланяться, держать спину прямо и вообще по множеству деталей Эфенбах понял, что перед ним столичная штучка. Причем птица высокого полета. Он спросил, с кем имеет честь. Гость представился: Смольс Петр Андреевич, чиновник Министерства иностранных дел.

Прослужив в Петербурге значительную часть жизни, Эфенбах ощущал в каждом госте из столицы земляка, но только не в этом господине, от которого веяло надменностью, какую дают деньги и положение в обществе.

– Чем могу сослужить? – спросил он, предлагая гостю садиться.

Господин Смольс сел так, как стоял: величаво и прямо. Лелюхин незаметно растворился в дальнем углу кабинета.

– Полагаю, теперь надо повторить вам то, что уже было доведено до сведения вашего чиновника... Что поделать, это Москва... – сказал Смольс торжественно, как на приеме послов. – Итак, господин начальник сыскной полиции, обстоятельства вынуждают меня обратиться за помощью... У меня пропала невеста.

Эфенбах сурово глянул на подлеца Лелюхина, который удружил нежданной пакостью. Василий Яковлевич сделал самое значительное лицо: дескать, послушайте, что будет дальше...

Что тут поделать? Михаил Аркадьевич выслушал историю, которую ему сообщили тоном, каким обучают нерадивых слуг.

...Господин Смольс вез невесту в столицу, чтобы представить родителям. Тряска поезда сморила, что всегда бывает с ним в дороге. Когда проснулся, не обнаружил невесту в купе и вообще в поезде. Багаж на месте, не пропало ничего. Проводник, допрошенный жандармом¹¹ на вокзале в Твери, показал: барышня вышла в Клину, после чего не вернулась до отправления поезда. Он не обязан следить за пассажирами, даже если те едут в вагоне I класса. Господин Смольс сошел со всем багажом и добрался ближайшим поездом до Клина. Местный начальник станции ничего не мог сказать о пропавшей невесте. Зато буфетчик показал, что похожая по описаниям барышня пила оранжад, а потом прыгнула в поезд, уходящий в Москву. Приметил ее потому, что она была без спутника и красивая...

– Что от нас изволите? – спросил Эфенбах.

– Разумеется, найти ее! – с заметным возмущением ответил Смольс.

¹¹ Охрану вокзалов несло отделение корпуса жандармов на транспорте.

– Не нашего поля дело, – ответил начальник сыска со вздохом, чем вызвал нескрываемое возмущение столичного гостя.

– Что значит не вашего? А кто, позвольте, должен расследовать?

– Что расследовать?

– Да вы насмехаетесь, что ли! – Смольс стал суров.

Суровость не произвела на Михаила Аркадьевича никакого эффекта. Он светски улыбнулся.

– Позвольте разглядеть... Значит, пропажи денег нет? Нет... Пропажи вещей нет? Никак нет... Пропажи драгоценностей нет? Нет... Багаж оставлен на ваше попечение... А что мадемуазель сбежала на другой поезд, так это ее воля вольная... Крепостное право отменили... Законом не запрещено... Как говорится, лучше конь в рукаве, чем ёж за воротом...

Смольс взгляделся в ясные и честные глаза Эфенбаха.

– Неслыханно, – сказал он. – Донесу о вашем поведении в министерстве...

– Донесите, – согласился Михаил Аркадьевич. – Донесите, как от вас невеста сбежала... Для карьеры дипломата в большей пользе будет... А не вы, так и мы подсобим... У нас тоже друзья в столице дожидаются сплетен...

Столичный щеголь вдруг сдулся, плечи его согнулись.

– Господа... Вы поймите... Я влюбился... Глупо и безнадежно... – тихо и совсем по-другому проговорил он. – Все для нее готов был сделать... Все сокровища мира бросить к ее ногам... А она сбежала... За что? Чем ее обидел? Только бы найти и спросить... Упасть на колени и прощения просить... Хотя не знаю, за что...

Горе его было столь искренно, что Лелюхин смущенно хмыкнул. Впрочем, Эфенбах тоже не растратил способность к состраданию, несмотря на службу в полиции.

– Невеста московская? – спросил он.

Смольс вытер пальцем глаз.

– Нет, приехала из-за границы, проживала в «Лоскутной».

– Значит, паспорт у нее имеется, – упомянул Лелюхин то, что было важно для розыска.

– Конечно... Наверное... Я же не проверял... Она самостоятельная, независимая женщина со средствами... Совершеннолетняя... Наверняка старше двадцати четырех... Но какое это имеет значение. Я не хочу жениться на молоденькой шестнадцатилетней глупышке.

– Расписать лицо сможете? – спросил Эфенбах.

– Красавица редкая, – ответил Смольс.

– Ну, теперь все понятно. – Михаил Аркадьевич вдруг сообразил, что забыл про главное. – Как ее звать?

– Баронесса фон Шталь...

– Как? – с нескрываемым удивлением спросил Лелюхин, хотя отлично расслышал.

Смольс обернулся и повторил.

– Господа, умоляю, найдите ее... Мне бы только спросить: в чем я провинился... И заглавить вину...

Эфенбах величественно поднялся и протянул страдальцу руку.

– Будем разыскивать!

* * *

Разгадка, откуда у городского появился рубль на извозчика и почему он так настойчиво требовал Пушкина (наверняка служивый заработал еще), стояла во всей красе. Разгадка была в дорожном платье, модной шляпке и нервно покачивала сумочкой. Разгадка была столь невероятна, что другой и быть не могло.

– Каким образом умудрились оказаться в салоне мадам Жанны Вейриоль именно в этот день и час? – спросил Пушкин.

Ожидания Агату не обманули. Бесчувственный чурбан не обрадовался, не удивился, не улыбнулся, не сделал вообще ничего, что делают смертные люди. Кусок льда не растопишь. Все, что она хотела сказать – быть может, попросить прощения за глупость, ему не нужно. Так пусть будет похоронено у нее в сердце. Навсегда там погибнет. Раз никому не нужно... Есть дела поважнее, невест надо спасать...

Агата расправила плечи. Чтобы он видел, что имеет дело с серьезным противником. Который не знает ни жалости, ни пощады... А он еще пожалеет...

– Здравствуйте, господин Пушкин, – сказала она, вздернув подбородок. Потому что Пушкин, будучи выше ростом, стоял на ступеньке крыльца.

– Вам задан вопрос, – сказал он.

Чем окончательно разозлил: к тому же еще и хам. Каким был, таким и остался.

– Это вопрос?

– Должен понимать, в каком качестве здесь находитесь.

– А вы как полагаете?

– Или свидетель, или постороннее лицо, – ответил Пушкин, незаметно поглядывая на ее пальцы. Ни обручального, ни венчального кольца нет. Как и других украшений.

– Ни то и ни другое, – ответила Агата, довольная пусть крохотной, но победой. Хоть радость неуместна в такой тяжелый момент.

– Хотите признаться в убийстве невесты?

Одним словом этот человек умел испортить самое лучшее. От крохотной победы не осталось и пылинки.

– Я не успела ее спасти, – сказал Агата, глядя прямо в отвратительно-равнодушные глаза. – Не успела по вине хозяйки салона... Она меня обманула... Остается понять, в каких целях. Вероятно, она соучастник убийства...

Пушкин сошел со ступеньки, но все равно остался выше.

– Вам знакома убитая барышня?

– К сожалению. – Агата прикоснулась платочком к носу, чтобы показать, что вот-вот заплачет. На Пушкина это не подействовало. – Некая Астра Бабанова... Невеста графа Урсегова... Они ее убили...

– Кто они? – спросил Пушкин, быстро складывая приглашение на свадьбу, записку, поношенную обувь и книжку невесты. Результат получался отрицательным: не может богатая купеческая невеста копить себе на приданое.

– Его дружки... Члены пресловутого «Клуба веселых холостяков»...

– Утренних газет начитались?

Как хотелось Агате врезать сумочкой по этому наглому и самодовольному лицу. Жаль, что нельзя бить сыскную полицию даже сумочкой...

– Лично слышала, как они замыслили преступление, в вокзальном буфете в Клину...

– Как оказались в Клину?

Чтобы избежать подобных омерзительных вопросов, Агата во второй раз за день рассказала, как сошла с поезда, села за оранжад и чем это закончилось. Она умолчала о том, что жених и багаж уехали в Петербург, чтобы Пушкин не слишком обрадовался. Даже если он и не собирался радоваться.

– Хотите сказать, что друзья графа, состоящие в мифическом клубе...

– Клуб не мифический! – с жаром перебила Агата. – Это шайка отъявленных убийц!

– ...в мифическом клубе, – продолжил Пушкин, – убивают его невесту до свадьбы. То есть лишают графа солидного приданого. Вы уверены, что он будет благодарен? В чем тут смысл?

Примитивная мужская логика всегда раздражала. Агата даже фыркнула с досады.

– Да как вы, Пушкин, не понимаете! Дело не в деньгах и приданом! Это ненависть к свадьбе и женитьбе, которая глубоко сидит в вас... Во всех вас, мужчинах, – поправились она. – А у этих господ слепая ненависть перешла в действия! И вот результат... Бедная Астра Федоровна... Я не успела...

– Как хотели остановить убийцу?

– Всего лишь предупредить девушку о грозящей опасности... Я узнала, где она будет примерять свадебное платье. – Агата утаила помощь тетушки, на всякий случай. – Приехала в салон... Мадам Вейриоль сказала, что мадемуазель Бабанова еще не приехала... Предложили сесть подождать... Я стала рассматривать журнал мод... Прошло с четверть часа, как вдруг в салоне появилась молодая барышня, стала стучать в примерочную, кричать: «Откройте, я знаю, что вы здесь». Ей не открыли, она пнула дверь и убежала... А мадам Вейриоль стала проявлять беспокойство... Прошло еще минут десять, она сама подошла и тихо постучала... Никто не открыл... Тут я догадалась, что случилось несчастье: Астра Федоровна давно была в примерочной. Потребовала взломать дверь... Мадам долго не соглашалась, тогда я выбежала на улицу и крикнула городского... Он замок сломал, и мы увидели лежащую Астру... Помощь опоздала... Я приказала до прибытия полиции ничего не трогать и послала городского за вами...

– Городовой получил два рубля?

– Какая разница теперь, – сказала Агата, опустив голову. – Даже если три, бедняжку убили.

Надо признать, что Агата действовала куда разумнее фон Глазенапа. Признавать Пушкин не стал.

– Вам известны те двое, что обсуждали убийство в Клину? – спросил он.

Агата только головой покачала.

– К сожалению, нет... Но я знаю, как они проникли в салон...

– Каким же образом?

Агата показала на дверь.

– Проще простого: вошли через сад, убили и скрылись в переулке так же, как вошли... Никем не замеченные... Пушкин, найдите их... Они безжалостные люди... Не боятся давать дерзкое объявление в газете, не боятся убивать невест... Одной уже нет... Важно теперь спасти других... Ведь будут и другие... Они не остановятся на Астре Бабановой... Поймите, опасность угрожает всем невестам Москвы!

Искренность Агаты могла тронуть кого угодно. Пушкин чуть не поддался.

– Ждите здесь, – строго сказал он. – Вскоре вернусь. К вам будет несколько вопросов...

– Постойте! – вскрикнула Агата вслед уходящей спине.

Пушкин обернулся.

– Бедняжку убили ударом утюга по горлу?

– Служебная тайна, – ответил Пушкин и слишком заторопился в дом.

* * *

Получив срочную депешу из Москвы, состоящую из двух слов: «Спасай Погибаю», Ванзаров догадался, кто забыл подписать телеграмму. Его институтский приятель Мафусаил Карлович Вестлинг, именуемый не иначе как Зефирчик, был исключительной личностью.

Он умел проваливаться в замерзшую лужу при десятиградусном морозе и не схватить простуду. Вместо билета в Нижний купить билет в Варшаву и уехать в Саратов. Выйти в летний зной в полушубке и не схлопотать солнечного удара. Выпить по ошибке уксус вместо вина и не сжечь желудок. Выпасть из пролетки под лошадей конки и уцелеть... Ну и тому подобное.

Судьба наслаждалась, играя Зефирчиком как мячиком. И берегла для дальнейшего развлечения. То и дело попадая в чудовищные происшествия, после которых любой нормальный человек давно лежал бы под могильным камнем, Зефирчик умудрялся уцелеть. Не считая ломаных рук, ног и синяков на голове, после того как на него обрушились строительные леса вместе с рабочими. Зефирчик буквально притягивал неприятности, при этом оставаясь жизнерадостной и простодушной личностью.

Кличку он заработал за светлые кудряшки, как у амурчика, которые вылезли в трехлетнем возрасте, да так и остались. Зефирчик сиял добродушием, всегда готов был помочь и обладал таким невероятным багажом знаний, каким не владела ни одна энциклопедия. Он бы и дальше шел по жизни между вулканами и штормами, но матушка сказала, что больше не намерена терпеть холостую жизнь. Втайне надеясь, что жена будет мучиться с разбитой посудой, сломанной мебелью и жалобами дворника на случайно вырванный замок на воротах. А с нее достаточно. Но в сватовстве Зефирчик преуспел как никто...

Сегодня он был приглашен в гости к возможной невесте. Четвертой и последней. Чтобы подготовить друга как следует, Ванзаров повел его в «Славянский базар». Ресторан был знаменит кухней, обширным буфетом с холодными закусками, которые можно было съесть сколько влезет, заплатив рубль, и коньяком, что подавался в особых бутылках с золотыми журавлями.

По пути к столику Зефирчик умудрился дважды споткнуться. Всякий раз Ванзаров выручал. Оставив угощение на усмотрение официанта, Ванзаров потребовал отчет, что случилось с загубленными невестами.

– Да ничего особенного, Пухля, – ответил Зефирчик, называя чиновника МВД старинной институтской кличкой, что Ванзарова не обрадовало. – Я тут не виноват.

– Неужели? Признавайся и не смей утаивать... Что случилось с первой?

– Забавная история, знаешь ли... Надела она к моему визиту такое роскошное платье, что юбка по полу волочится... Ты только представь, какая глупость так одеваться... Ну вот, мы сидим, беседуем о всяких глупостях... Тут она встает, и знаешь ли, юбка спадает с нее с жутким треском...

– На подол наступил ботинком?

– И даже не заметил! – обрадовался Зефирчик. – Ну разве я виноват? Она – в слезы, а меня вон за порог...

– Допустим... А вторая?

– Еще смешнее... Понимаешь ли, у нее матушка достаточно молода, к тому же они похожи, как сестры... Да и вообще я платья плохо различаю... А прически тем более...

– Неужели ты сделал предложение вместо невесты ее матери? – не веря в догадку, спросил Ванзаров.

Зефирчик отважно опрокинул в рот бокал клюквенного морса, и только салфетка, подставленная Ванзаровым, спасла его манишку от красного пятна.

– Представь... Ну прямо как в «Ревизоре». Другая бы посмеялась, а эта, глупая, в истерику ударилась... Не понимают барышни комизм момента...

– Допустим, – сказал Ванзаров, стараясь сообразить, как спасти нынешнюю невесту от талантов Зефирчика. Давно не общавшись, он обнаружил, что с годами у приятеля усилились способности создавать бедствия. – Что натворил с последней?

– Вот зачем ты, Пухля, так говоришь, – обиделся Зефирчик. – Я вообще ничего не делал... Пришел, как полагается, в парадной форме... Мне сказали, что она сейчас выйдет... Присел на диванчик, тепло, знаешь ли, хорошо... Меня сморило... Не заметил, как прилег маленько...

– А проснулся на полу, свалившись с дивана, – закончил Ванзаров.

– Ну, в целом все верно, – замялся Зефирчик.

– Неужели газы выпустил?

Зефирчик хмыкнул.

– Я же не знал, что они семейством в гостиную вошли... И такие странные: обиделись... А ведь смешно, как в водевиле, вышло...

В общем, Ванзаров понял, что шансов сделать предложение у Зефирчика не больше, чем трижды выиграть на рулетке ставкой на «зеро». А виноват будет он. Надо предпринимать срочные меры для спасения.

Ванзаров спросил, как он намерен просить руки и сердца. Зефирчик предложил прочитывать что-нибудь из «Искусства любви» Овидия или какой-нибудь сонет Данте к Беатриче, или, на худой конец, сцену на балконе Ромео и Джульетты. Причем каждый из вариантов – на языке оригинала. Идея была категорически отвергнута. Ванзаров вынул из кармана сюртука книжку, привезенную из столицы.

– Запоминаешь любое стандартное объяснение в любви, слово в слово, здесь их множество, и точно повторяешь... Никаких выдумок, Овидия и Шекспира...

Глянув на обложку «Полного письмовника для женихов и невест», Зефирчик скривился.

– Ну, Пухля... Это же так по-мещански... Пошло и глупо... Никакого стиля, формы, вдохновения...

– Зато надежно, – отверзал Ванзаров. – Невесте точно понравится. В твоём положении выбирать не приходится... Или свадьба, или голова с плеч... Учи признание...

Тяжко вздохнув, Зефирчик стал шевелить губами и ехидно ухмыляться простым, но таким искренним словам о вечной любви, которые говорят друг другу обычные люди. Не Данте с Джульеттами.

Как раз принесли закуски.

Ванзаров налил рюмку себе и запретил Зефирчику мутить голову водкой. Сам же выпил и вкусно закусил. Сегодня ему требовалось серьезно укрепить силы. Водка укрепляла не силы, но дух. К тому же, несмотря на юный возраст, Ванзаров умел пить не пьянея. Чего нельзя было сказать о Зефирчике, который начинал декламировать Марка Аврелия после второй рюмки.

* * *

К неприятностям Жанна Вейриоль относилась как к булавкам: укололась и забыла. Много лет она имела дела с источниками всех неприятностей, то есть дамами. И не с какими-нибудь приятными, а с капризными, вздорными, плаксивыми и обижающими по любой мелочи. То есть самыми обычными женщинами, которые шьют новое платье, желая выглядеть неотразимыми, а потому нервничают. Кто не знает, что сшить платье куда опасней, чем идти с рогастиной на медведя, тот не владел модным салоном. Мадам Вейриоль умела угадывать вкусы капризных заказчиц и научилась неплохо разбираться в людях.

Нынешняя неприятность сбила маску привычной услужливости ненадолго. Утерев глазки и носик, она уже говорила милые комплименты пристапу, до каких мужчины большие охотники. Фон Глазенап был холост, а потому его жена не могла интересоваться салоном. Но дружба с местной полицейской властью никому не мешала. Утешая расстроенного ротмистра, Вейриоль говорила о его талантах так искренне, что фон Глазенап окончательно поверил. Когда из примерочной вышел господин, еще недавно влетевший с улицы как вихрь, она поняла, что неприятности только начинаются. И смело пошла к ним, забыв о пристапе.

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить: предстоит иметь дело с опасным человеком. Тем более – красивым молодым мужчиной младше тридцати. К тому же неженатым, что для любой женщины становится особым вызовом.

Изящно склонив головку, она приветливо улыбнулась Пушкину. Если не сказать обещающе. Что у другой дамы могло показаться развязным, у Вейриоль вышло невинным. У красивой и не слишком старой женщины такая улыбка не выглядит неприличным намеком.

– Господин пристав сообщил мне, что вы из сыскной полиции, – с оттенком почтительности сказала она. – Если бы не обстоятельства, была бы рада столь приятному знакомству... Тем не менее я рада... Позвольте представиться: мадемуазель Вейриоль... Может называть запросто Жанна...

Она протянула ручку для поцелуя. Пушкин и бровью не повел.

– Погибшую барышню зовут Астра Федоровна Бабанова?

От него не ускользнуло, что хозяйка модного салона вздрогнула.

– С чего вы взяли? – ответила она с улыбкой, в которой утопила неловкость. – Избави Бог! Это Тася... Таисия Юстова, моя клиентка... Барышня милая, образованная, но не слишком богатых родителей... Завтра у нее свадьба...

– Ее платье... – начал Пушкин, но его перебили.

– О да, не совсем по ней, но Тася так хотела дорогое свадебное платье в стиле принцессы со стоячим воротником... Прямо по картине из «Вестника моды» шили... Я предлагала уменьшить расходы, но она отказалась... Все-таки свадьба раз в жизни, для девушки такое событие... Вам, мужчинам, не понять...

Болтливость Вейриоль была на руку. Пушкин терпеливо выслушал.

– Расчет за платье сегодня?

– Ну конечно... Таков порядок... Оно совсем готово... И я вам скажу: в нем Тася выглядит чудесно, вы не находите?

– За платье должно быть заплачено сорок рублей?

Мадам не сдержала удивления.

– Впервые за пять лет, что держу модный салон, встречаю мужчину, который разбирается в цене платья. Обычно господа жалуются на дороговизну. Вы поразили меня.

Комплимент Пушкин отставал без внимания. Не надо угадывать, если знать, сколько денег было в сумочке Юстовой.

– Когда мадемуазель появилась у вас в салоне?

Вейриоль задумалась и даже взглянула на большие часы в футляре, качавшие маятник в углу.

– Вероятно, часа два тому...

– Юстова была одна?

– О да, приехала без матушки и дружки.

– Разве так принято? Кто-то должен оценить платье невесты...

– О, вы правы. – Вейриоль совсем не понравилась осведомленность господина из сыска. – Тася – самостоятельная барышня, желала все принять сама...

– С ней были ваши портнихи?

– Нет, – излишне быстро ответила мадам. – Тася сэкономила, где могла... Она сама надевала платье и смотрела в зеркало...

– Почему закрылась на ключ?

Пряча раздражение за улыбкой, Вейриоль только руками развела.

– Ну, это же девичья стыдливость... Так объяснимо...

– Разве у вас могут появиться мужчины?

– Конечно нет! – излишне резко ответила она. – Тасе хотелось в тишине, быть может, проститься с девичьей жизнью... Выйдя из моего салона, у нее больше не будет случая побыть одной... Я понимаю чувства барышни, не беспокоила ее...

– Куда выходит дальняя калитка сада? – спросил Пушкин.

– На соседний переулок... Но почему вы...

– Кто поднял тревогу и заставил взломать дверь?

Вейриоль была готова к вопросу.

– Уже рассказала господину приставу: такая странная дама в дорожном платье... Пришла, хотела видеть мадемуазель Бабанову... Я предложила ей подождать... Потом ворвалась какая-то девица, стала стучать в дверь примерочной, устроила скандал, убежала... Эта дама стала требовать вызвать полицию... Побегала за городовым, приказала ломать дверь... Потом стала распоряжаться, удивительная невоспитанность... Если она баронесса фон Шталь, так разве ей все позволено?

С этим Пушкин готов был согласиться.

– Вам знакома девушка, что стучала в дверь?

– Не имею чести знать, – ответила Вейриоль, глядя прямо.

– Что она желала?

– Вероятно, подозревала измену...

– Неизвестная барышня предполагала, что мадемуазель Юстова не одна, а с ее женихом. Или с мужем...

– Да это просто какая-то сумасшедшая! – резко ответила Вейриоль. – Поверьте, такие происшествия у нас бывают чуть ли не раз в неделю... Женская ревность не знает преград...

Достав черный блокнот, Пушкин раскрыл чистый лист.

– Опишите ее, составим словесный портрет.

Хозяйка салона оглянулась к приставу, будто ища защиту, но тот был чрезвычайно занят разглядыванием занавесок на окне. Как всегда: когда нужна помощь, от мужчины не дождешься...

– Но как я могла запомнить? Она влетела, стала ломиться в дверь и убежала.

Блокноту не суждено было получить новый рисунок.

– Для чего уют в примерочной? – спросил Пушкин.

– Вечная необходимость... Иногда шов разгладить, иногда плиссе закрепить...

– Сельтерской водой угощаете клиенток?

Вейриоль простила такую наивность.

– Смотря по клиентке, – ответила она. – Кому чай подаем, кофе, а кому и бокал вина...

– Мадемуазель Юстова заслужила минеральную воду?

– Вы шутите? – Кажется, Вейриоль обиделась. – С какой стати угощать Тасю дорогим напитком? И так ей существенную уступку на работу портних сделала... С нее и того довольно будет...

– Вы уверены, что мадемуазель Юстова в примерочной была одна?

У Вейриоль внезапно заболела голова. Она стала массировать виски.

– Господин Пушкин, у меня модный салон, у меня репутация, о чем вы говорите... Умоляю, прекратите...

Мучить женщин, тем более симпатичных, не входит в обязанности сыска. Пушкин попросил, если мадам вдруг вспомнит или узнает барышню, устроившую скандал, немедленно сообщить ему.

Мигрень тут же отпустила. Вейриоль расцвела.

– Обещаю вам, господин Пушкин... И всегда буду рада видеть вас в нашем салоне... Заглядывайте, если будет желание. – Протягивать ручку для поцелуя она не стала, чтобы не оказаться в неловкой ситуации.

– Позвольте нескромный вопрос?

Глазки Вейриоль озорно блеснули.

– Как могу отказать сыскной полиции? Все, что угодно...

– Заслужили у клиенток какое-нибудь прозвище?

Могло показаться, что вопрос доставил хозяйке модного салона большое огорчение.

– Возможно, за глаза меня называют как-нибудь шутливо, но мне об этом ничего не известно, – ответила она. – Заезжайте почаще, быть может, подслушаете дамскую болтовню...

Пушкин обещал вернуться. Напоследок спросил адрес мадемуазель Юстовой, чтобы не искать. Адрес, куда доставить подвенечное платье, Вейриоль был известен: невеста жила с родителями на Пречистенке, в переулке Сивцев Вражек.

Подошел пристав. Всем видом показывая, как раздосадован, что не проявил служебного рвения, стал обещать, что выполнит переданные через Вановского поручения. Тело доставит в участок, доктора Преображенского вызовет, собранные сыском улики будут храниться в целости и сохранности. Кажется, фон Глазенап решил не оставлять о себе дурного впечатления. Пушкин спросил, где проживает сваха Капустина. Почтенная дама приставу была известна. Он назвал частный дом в Мароновском переулке. Тут неподалеку...

Выйдя в сад, Пушкин нашел клочок бумаги, приколотый на перилах крыльца булавкой так, что нельзя не заметить. Торопливым почерком было написано: «Даже если ошиблась и Астра Федоровна не погибла, это ничего не меняет. Они все равно не откажутся от своих планов. Я должна спасти ее и других невест. На ваши вопросы ответы ищите сами. А.К.».

Записка источала тонкий, ни на что не похожий аромат. Пушкин осторожно вдохнул его и закрыл глаза от удовольствия. Этот запах он вспоминал и нигде не мог найти. Так чудно пахла единственная женщина во всем мире. Которая не могла послушно дожидаться в саду, проникла в примерочную и подслушала под дверью. Чего и следовало ожидать. Бедняга Вановский не смог помешать защитнице невест. Она только улыбнулась – он и пропал. Еще лист и чернила выдал ей для записки... Не его вина, такая кого угодно обаяет.

Ну, почти кого угодно...

* * *

Воспоминания были свежи и не скоро забудутся. Портье Сандалов настрадался достаточно. История в декабре прошлого года чуть не стоила ему места, и того хуже – мог за решетку загреметь. Урок пошел впрок. Поддаваться соблазну легкой наживы запретил себе категорически. Служба портье знаменитой гостиницы дороже денег. А потому со старой знакомой Сандалов был настолько любезен, насколько же боялся ее. Он не только предоставил отличный номер на третьем этаже, поклялся на любые расспросы отвечать, что баронесса фон Шталь у них не проживает, но и пошел еще дальше: отказался брать плату за проживание. Ну какие могут быть счета между старыми друзьями? Тем более если старый друг, то есть подруга, не рассказала сыскной полиции о мелких делишках портье. Подарок Агата приняла без особых благодарностей. Ее молчание стоило значительно дороже.

Номер она получила вчера. А сегодня, когда вернулась в гостиницу, Сандалов старательно раскланялся, всем видом показывая, что готов исполнить любое желание дорогой постоялицы. И не посмел проявить интерес: отчего у дамы нет с собой багажа и одно дорожное платье?

Агата вошла в номер и улеглась на диван. Ужасное положение, когда второй день нельзя поменять туалет. У нее всегда имелся не один десяток платьев. Что было не прихотью, а необходимостью: жизнь великой воровки требовала постоянно менять облик. Для женщины это нетрудно: другая шляпка и наряд делали почти неузнаваемой. Сейчас не было нужды переодеваться, и потому Агате захотелось этого больше всего. К тому же дорожное платье обращало на себя удивленные взгляды дам. Уж на что Москва отстала от мод, но туалет в коричневую клетку – как бельмо на глазу.

Дальше терпеть мучения нельзя. Агата решила немедленно ехать на Кузнецкий мост, чтобы выбрать пять-шесть готовых платьев. Иначе сойдет с ума. Однако в следующее мгновение отказалась. Не время думать о нарядах, когда мадемуазель Бабанова и невесты в опасности. Ради чего бросила жениха? Не ради новых платьев. Первой ее мыслью было немедленно

ехать на Тверскую, в дом Бабановых, и предупредить Астру Федоровну. Но от этого следовало отказаться – наверняка там Пушкин. Уже явился, выполнять служебный долг.

Вспомнив о Пушкине, Агата уже не могла думать ни о чем другом. Она так обрадовалась, увидев его на ступеньках дома, что чуть не совершила большую ошибку: просить прощения за глупейшую интригу, которая закончилась свадебной поездкой. Или хуже того: чуть не призналась, что бросила жениха. Агата представила лицо Пушкина, когда она изливает душу. И представлять не надо: то же обычное выражение ледяного камня. Еще, чего доброго, заявил бы: «Меня это не касается». Или подобную гадость. Наверняка не поверил, что заговорщики будут убивать невест. Подумал, что послышалось или она перепутала. Ну конечно, в его понимании разве женщины могут сделать что-то толковое... Им бы только наряды менять... Отвечать на их вопросы следует сухо и равнодушно: «Служебная тайна»...

Со злости Агата пнула носком ботинка подлокотник дивана. Нет, нельзя поддаваться чувствам. Сейчас дорога каждая минута. Надо предпринять что-то очень важное. Агата никак не могла выбрать, что именно. Прижав подушку к груди и накрепко обхватив руками, она стала думать.

Мучил вопрос Пушкина: зачем графу убивать невесту, не получив приданое? Хотя Агата понимала, насколько наивно выглядит ответ: кто станет убивать из-за ненависти к свадьбам... Тут что-то другое... Немного подумав и заглянув в мужскую душу, которая была примитивной азбукой, Агата нашла такое простое и ясное решение, что Пушкин локти кусать будет.

Остались не менее сложные вопросы. Вот загадка: если погибла не мадемуазель Бабанова, а другая невеста, кажется Юсова или Юзова (Агата не слишком хорошо расслышала в дверную щель), что это значит? Заговорщики хотели сделать приятное графу, но почему-то убили другую девушку. Почему? Вероятно, чтобы натренировать руку. Какая подлость: подождать, когда несчастная девушка наденет свадебное платье, войти в примерочную и нанести удар утюгом. Агата представила эту картину, буквально поставила себя на место невесты.

Богатое воображение нарисовало полотно яркими красками. Агата поняла, что ситуация не так проста, как ей показалось. Убийцы душили жертву утюгом. Значит, она видела их в лицо. Что сделает девушка, которая обнаружит в комнате незнакомого мужчину, а то и двух? Конечно, испугается и закричит. Агата подумала, что завизжала бы так, что стекла треснули. Наверняка мадам Вейриоль встревожится, станет стучать в дверь. Но тревоги не было. Выходит, бедняжка знала убийц...

Вывод настолько понравился Агате, что она погрозила кулаком призраку Пушкина, который невидимо витал над ней с равнодушным выражением лица.

Если девушка знала гостей и не подняла крика, кто они могли быть? Кто-то очень близкий... Дружка жениха с кем-то еще. А быть может, сам жених с приятелем. Ну конечно... Этим все объясняется. Вошел жених, она обрадовалась, немного смутилась, что он с приятелем. Хорошо, что успела надеть платье. Хотя жениху видеть невесту в свадебном платье не разрешается, но кто теперь верит в старые приметы? Она счастлива, жених держит ее за руки. Напарник берет утюг, невесту валят и душат чугунной тяжестью. Она не может произнести ни звука. И погибает, глядя в лицо жениху... Ужасная трагедия и подлость.

Мысленно пребывая в роли невесты, Агата взволновалась настолько, что не могла больше лежать на диване. Она вскочила и стала ходить по гостиной.

Значит, убийцы этой Юсовой или Юзовой были в Клину? Или те уже успели доложить членам клуба женихов-убийц план, и кто-то вызвался привести в исполнение приговор девушке более простой, чем богатая купеческая невеста...

Но ведь в примерочной должна была быть Астра Бабанова...

Почему же ее там не оказалось? Что ее спасло?

И тут новая мысль вспыхнула яркой звездой: Астра Федоровна случайно опоздала. Чтобы не терять времени, мадам Вейриоль позволила этой Юсовой или Юзовой занять примероч-

ную. Заговорщики об этом не знали, они входят и видят другую девушку. Она их узнает и не поднимает крика... Так и есть... Ее жених пришел с напарником, чтобы убить Бабанову, но вынужден убивать свою невесту... Роковая ошибка и случайность... Даже если не жених, то его близкий друг, которого невеста наверняка знала...

Как повезло Бабановой. И как не повезло бедняжке...

Агата прохаживалась от окна до дивана и от дивана до туалетного столика. Ясно увидев масштаб заговора, она раскрыла тайну. Пушкин ни за что не поверит. И Астри Федоровна не поверит, что ее спасло чудо: вместо нее погибла другая... Быть может, знакомая или подруга...

Что же делать?

Единственный выход – найти графа и его приятелей, веселых холостяков.

Где они могут быть?

Наверняка отмечают успешное преступление. Граф угощает дружков обедом в одном из лучших ресторанов. Знать бы, в каком... Надо ехать немедленно, искать, найти.

Что она станет делать с друзьями графа, Агата не думала: сейчас не до того. Она с отвращением глянула на себя в зеркало: дорожное платье – худшее из того, в чем можно появиться в ресторане. Придется пускать в дело таланты, которыми давно не пользовалась...

Агата выбежала из гостиницы и крикнула извозчика. Она так спешила, что не смотрела по сторонам.

Ванзаров как раз вывел из ресторана Зефирчика, накачанного по самое горло признанием в любви и клюквенным морсом. Он заметил красивую мадемуазель, пробежавшую мимо и уехавшую на пролетке. Хоть она была в скромном дорожном платье, сменила шляпу и прическу, никаких сомнений: та самая воровка, которая в прошедшем декабре выудила сто рублей. Вернее, Ванзаров сам отдал. Какая дерзость: снова промышляет в «Славянском базаре». Товарищеский долг заставил Ванзарова не броситься в погоню, а держать под руку Зефирчика, который успел споткнуться на ровном месте.

Ничего, теперь воровка никуда не денется. Наверняка вернется.

* * *

– Алексей Сергеевич, какая приятная неожиданность!

Чиновника сыскной полиции в лицо знали пристав и многие городовые. Он был известен воровскому миру Москвы, который старался не иметь с ним дела. Но среди свах города он не рассчитывал на известность – такую, чтобы его узнала незнакомая дама. Значит, тетушка не раз вела секретные переговоры, показывая фотографии бесценного племянника и прекрасного жениха.

– Стоило так себя утруждать, я бы сама явилась по первому зову... Проходите, милости просим...

Мадам Капустина посторонилась, выказывая гостю возможное уважение. Она была совсем не похожа на сваху. В московском обычае эта дама – хорошо за сорок пять, в теле, несколько развязная, суетливая, неопрятная, в чудовищных балахонах, громогласная, похожая на голодную лису, которая ищет, чем бы поживиться. В отличие от прочих мадам Капустина сохранила молодую фигуру, достоинства которой подчеркивало модное платье. Ей трудно было дать больше тридцати пяти, выглядела она лет на пять моложе. В манере держаться и жестах заметна воспитанность.

Пушкин прошел в гостиную, обставленную не новой, но добротной мебелью в купеческой манере. Достаток свахи не позволял большей роскоши. Ему предложили садиться, спросили, не поставит ли самовар, предложили рюмку с холодными закусками. Капустина хлопотала перед гостем чрезмерно. Он отказался от угощений, дело накоротке.

– Отчего же накоротке... К делам надо подходить основательно, – сказала Фекла Маркеловна, садясь с другой стороны обеденного стола, покрытого свежей скатертью с крупными кружевами. – Тетушка о вас столько рассказывала... Вам повезло с родственницей, уж поверьте мне, всякого насмотрелась... На все готова ради вас... Так что же хотите узнать?

В глазах свахи порхали хитрые искорки. Когда жених, который еще не решился стать женихом, сам приходит к свахе, значит, хочет окольным путем выяснить о приданом. Наслышанная, какой он упрямец, Капустина нашла его довольно милым, если не сказать красивым мужчиной. Хотя излишне строгим, что немного портит...

– Сообщите подробности о кассе взаимопомощи невест, – сказал Пушкин.

Капустина ждала чего угодно, но только не такого вопроса. Она растерянно поморгала, изобразив полное непонимание.

– Простите, о чем желаете сообщить вам?

– Касса взаимопомощи невест, которую держите. Прошу не тратить время на отговорки. На книжке невесты ваша фамилия.

Пора вспомнить, что перед ней не обычный жених, а чиновник сыскной полиции. Который может устроить неприятности.

Уже много лет в Москве говорили о необходимости учредить кассу взаимопомощи, которая будет давать небогатым невестам приданое. Официально такое общество не было разрешено. Но и не запрещено. Богатые купцы порой делали взносы для выдачи приданого бедным невестам в качестве доброй воли и во искупление грехов. Дальше дело с кассой невест не двигалось. Интерес полиции к такому не слишком официальному сбору денег на благие цели Капустиной был неприятен.

– Простите, а с какой стати... – начала она.

– Каким образом работает ваша касса?

Тон вопроса был не угрожающим и довольно мирным. Капустина поняла, что лучше ответить, чем испытывать судьбу.

– Господин Пушкин, вы понимаете...

– Понимаю, что десять лет занимаетесь не вполне законным делом.

Капустина заволновалась не на шутку.

– Но, господин Пушкин, мой интерес чисто филантропический... Чтобы бедняжки смогли выйти замуж... Бедным девушкам без приданого так трудно...

– Розыск по вашей кассе не веду. Нужны некоторые сведения.

По рассказам мадам Львовой Капустина знала, что месье Пушкин чрезвычайно честный и прямодушный человек. Если бы хотел посадить, вызвал бы в полицию. А если бы желал получить мзду, стал бы угрожать... Так что ему надо?

– Ну конечно, мне скрывать нечего, – ответила она.

Пушкин повторил вопрос: каким образом у невест образуется приданое?

Малость ободрившись, Капустина раскрыла секрет. Родители будущей невесты несколько лет вносят в кассу небольшую сумму. Плата ежемесячная. Сумма зависит от приданого, которое желательно скопить: двести, триста, пятьсот или тысяча рублей. Когда невеста готова выйти замуж, ей выплачивают приданое из имеющихся общих взносов. Чтобы касса выполняла свое предназначение, в ней должно быть достаточно пайщиков.

– У меня никакой выгоды, исключительно на пользу бедных девушек... Они так мечтают выйти замуж. Без денег замуж не берут. Вот и помогаю, чем могу, – закончила Капустина.

– Ведете конторскую книгу?

Вопрос доставил Фекле Маркеловне лишнюю неприятность.

– Нет нужды... В книжках невесты отмечаем ежемесячные выплаты и срок выдачи приданого.

Что разумно: нет конторской книги – нет лишних вопросов. Небольшая секретность ради спокойствия невест. Как и романтический шифр вместо фамилии на обложке.

– Сколько членов состоит в кассе?

Теперь уже мадам Капустина готова согласиться с мадам Львовой: этот господин умеет быть чрезвычайно неприятным. Холодный тон кого угодно с ума сведет.

– Более сотни, – вынужденно ответила она.

– Помните ближайшие выплаты?

– Ну а как же иначе... Это мой долг...

– Кто завтра должен получить выплату?

Фекле Маркеловне стало неуютно в собственном доме.

– Разве вас это может интересовать? – мягко спросила она.

– Мадемуазель Юстова получит всю сумму?

Капустина подозревала, что полиция за всем следит, но не думала, что настолько тщательно.

– Разумеется, всю, – ответила она, натужно улыбаясь. – Никого и никогда не обманывала... Не имею такой привычки... Да и как содержать кассу, если воровать? У нас принято на доверии, слово купеческое крепче печати...

– Какую сумму выдали Юстовой вперед?

– Правила кассы это запрещают... Если желаете убедиться в моей порядочности, господин Пушкин...

Чиновник сыска желал совсем иного. Он спросил, кто жених мадемуазель Юстовой. Капустина не могла понять: с чего такой интерес к бедной невесте? Но скрывать жениха, которого сосватала, не стала.

– Господин Ферх, Рихард Эдуардович. Приятный молодой человек, небогат, но трудолюбив, служит на хорошем месте: младший конторщик шерстопрядильной фабрики.

– Хорошо его знаете?

– Я сваха, моя священная обязанность знать, кого связываю узами брака...

– Он состоит в «Клубе веселых холостяков?»

Капустина удивленно подняла брови.

– Конечно нет! Что за глупости... Я в Москве всех знаю, нет такого клуба... Позвольте заметить, Алексей Сергеевич. – Тут сваха снова вернулась к приятельскому обращению. – Вы вот допрос мне устроили, а я вас хочу спросить: куда смотрит полиция?

Полиция в лице Пушкина смотрела в блокнот, делая записи карандашом.

– Как не совестно в газетах печатать подметные письма женихов невестам? – будто не замечая, продолжила Капустина. – Такая обида честным девушкам... Плачут, места не находя, боятся, что от них откажутся...

– Астри Федоровна Бабанова состоит в кассе невест? – спросил Пушкин, захлопнув блокнот.

Надо было выбрать: невежливость мужчины, не ответившего на вопрос, или наивность? Фекла Маркеловна выбрала второе. Все-таки мужчины одинаковы: начинают со странностей, а заканчивают приданым. Вся их хитрость на виду...

– Что вы, Алексей Сергеевич, у нее приданое от отца готово, ей без надобности... Впрочем, как и ее сестре, Гае Федоровне, – подчеркнула она интонацией. – Обе обеспечены до конца дней... Семья богатая...

– Астри Федоровна выходит за графа Урсегова?

Ах, какая милая хитрость: хочет узнать, кто будет в родственниках.

– Именно так... Астри Федоровна станет графиней Урсеговой. Они с сестрой очень дружны... Выросли вместе, обучались в пансионе...

Капустина надеялась, что намек на родство с графом будет услышан.

– Астра Федоровна шьет свадебное платье в салоне Вейриоль?

Осведомленность полиции опять поразила: куда только клонит? Неужто хочет выяснить, где его невеста будет платье шить?

– Салон мадам Вейриоль чрезвычайно популярен у невест, – ответила Капустина. – Шьет модно и недорого.

– За глаза ее называют «матушка Гусыня»?

– Никогда не слышала! – ответила Фекла Маркеловна. – Какая же она гусыня? Красивая дама, знает себе цену...

Хлопнула входная дверь. В гостиную вошла девушка, держа на руках сверток. Сверток попискивал. Глянув на Пушкина, который остался сидеть, она чего-то испугалась, прижала к себе сверток и скрылась за дверью в глубине гостиной. Капустина сохранила радужное выражение лица.

– Прошу простить поведение моей горничной, дурно воспитанная особа, никак не приучу, что нельзя врываться, когда в доме гости... Алексей Сергеевич, если желаете побольше узнать о Гае Федоровне...

– Желаю, – вдруг ответил Пушкин. – Можете меня представить мадам Бабановой?

Деловой поворот стал неожиданным, но Капустина поняла: если женит этого красавца, можно считать, что лучше свахи в Москве нет.

– Авида Капитоновна давно мечтает с вами познакомиться... Скажем, завтра в...

– Сегодня через два часа, – перебил Пушкин. – Буду ждать у подъезда дома на Тверской. Из глубин дома долетел звук, похожий на мяуканье кошки.

Пушкин встал, еле заметно поклонился и, не утруждая себя приятными манерами, вышел в прихожую. Капустина поспешила за ним, благодаря за визит и рассыпая вежливости. На что Пушкин не соизволил обернуться. Что и говорить: такого женишка врагу не пожелаешь...

* * *

Московские девицы разнятся приданым, но сходятся в одном: они верят в приметы. Порой такие древние, что тянутся со времен до Крещения Руси. Свадебные приметы не смогли искоренить ни образование, ни прогресс науки, ни священники. Дочка аристократа и дочка кухарки одинаково верят и знают, что надо делать до свадьбы и на ней самой, чтобы жить долго и счастливо. Примет множество. Если какая примета невесте неизвестна, подружки просветят.

Они твердо знают, что перед свадьбой надо отрезать клочок волос у себя, а после венчания у мужа, смешать их и сжечь на свече – тогда брак будет крепкий. Что под платьем на самое тело надо надеть тайный пояс, который завяжет мать. Что жених и невеста должны глядеться в одно зеркало и стоять на венчании так тесно, чтобы «черт между ними не пролез». Что встретить свадебным поездом еврея или женщину с полными ведрами – к счастью, а вот монаха или слепого – плохо. Что на белый плат, который священник кладет у ног венчающихся, невесте надо стать первой, чтобы быть хозяйкой в доме. Что венец над головой невесты надо держать, а не надевать на нее, иначе брак развалится. Что надо следить за венчальными свечами: если горят с треском – жизнь с мужем будет в раздорах, а если оплавят – муж будет тихий и мирный. Что разные предметы, которые будут на невесте во время венчания, потом помогут ей при родах. Что, выйдя из храма, надо разбить бокал, из которого пили молодой муж и жена, а осколки затоптать ножкой. Что надо одной ложкой из одной тарелки поесть с молодым мужем. Что двух сестер нельзя венчать в один день и в один год. Что стручок с девятью горошинами приносит неудачу. Что у порога дома, в который войдут молодые, должен стоять новый веник, а весь сор надо выбросить накануне. Что под матрас брачной постели надо воткнуть пучок соломы. Что булава, воткнутая злой рукой в брачное ложе, может привести к мужской слабости жениха, а дубовый лист, брошенный в невесту, – к бесплодию. Что водой, пролитой

через венчальное кольцо сразу после венчания, можно лечить все болезни. Что невесте перед свадьбой надо заплести косу, а перед брачной ночью расплести. Что, оставшись с мужем наедине, надо снять с него ботинки и положить в левый денежку. И тому подобное...

Конечно, прогресс потеснил предрассудки. Дружка жениха уже не ездит на коне вокруг дома брачную ночь напролет с саблей наголо. На стол не ставят свадебный каравай, перепечь и жареного петуха. Вместо меда угощают конфетами. Жених с невестой не ходят вместе в баню перед свадьбой, а наутро их не кормит в постели из рук посаженная мать. Да и сам свадебный стол теперь заменен модным чаепитием. Гости поздравляют молодых, выпивают по чашке чаю и откланиваются. Но среди напора современных веяний московская невеста по-прежнему боится колдуна.

Что и говорить, в Петербурге уже не встретишь такой отсталости. А в Москве это в порядке вещей. Барышни искренно верят, что колдун по злобе или по навету может навести на свадьбу порчу. Бросит, например, под свадебную карету варежку заговоренную – и все, не будет счастья с мужем. Или того хуже: нашепчет заклинание – и вся свадебная процессия обратится в волков... Ужас, ужас...

Чтобы защититься от колдовской силы, невесты бегают к колдунам. Никто в этом не признается. Жениху об этом знать не полагается: мужчины такие циники. Если слишком робкая барышня боится идти к колдуну, берет с собой дружку. Колдун наложит такое верное заклятие, что никакой черный глаз не победит. Или травку особую даст, чтобы у порога положить и злые силы отогнать. После дремучего колдовства невеста с легким сердцем отправляется в храм на венчание. Ну что с девицами поделаешь...

Колдуны московские рекламу в газетах не печатали, но слава их передавалась из уст в уста. Василиса привезла Астру и Гаю в Замоскворечье в Руковский переулок. Колдун жил в небольшом двухэтажном доме, вход в который охраняли на потрепанных колоннах старомодные львы с шарами под правыми лапами. Гая присмирела настолько, что ни разу не споткнулась, вцепилась в локоть Астры.

– Ой, может, не надо, – тихонько шепнула она. – Робею что-то... Как выпрыгнет леший в паутине, поросший грибами... Ой, страх...

Астре тоже расхотелось встречаться с колдуном. Но поворачивать было поздно.

– Ничего страшного, подумаешь – колдун... Ненавистный муж куда хуже...

Василиса дернула за рукоятку звонка.

На пороге появился довольно упитанный господин в шелковом домашнем сюртуке с кисточками. Грибы из него не росли, паутина не свисала. Выглядел он щеголевато, с аккуратной бородкой и завитыми клочками волос на висках. Бросив на гостей взгляд, он кивнул и сказал:

– Прошу...

Гостиная, в которой оказались барышни, мало напоминала логово чародея, скорее, уютное гнездышко холостяка: с картинами, пальмой, лимонным деревцем, ковром на стене, увешанным кинжалами, и крепким, застоявшимся запахом табака. Господин Пфель, Леонтий Карлович, именно так звали колдуна, жестом указал барышням садиться за стол, покрытый скатертью темного жаккарда. Не спрашивая, он выставил кованый сундучок и подсвечник с тремя свечами.

– Что желает невеста? – спросил он, глядя немигающим взглядом.

Черные зрачки, прикрытые тенью густых бровей, показались Астре Федоровне раскаленными иглами. Она вздрогнула и опустила глаза. Сам догадался или Василиса сказала? Да нет, не знает ведь, кто из троих невеста. И вправду сильный колдун...

Ощувив робость, охватившую девушек, господин Пфель не стал дожидаться ответа.

– Желаете отвести порчу от свадьбы или получить оберег от завистливого глаза?

Гая издала звук котенка, раздавленного сапогом. Собрав силы, изрядно покинувшие ее, Астра глянула в лицо колдуна.

– Хочу, чтобы свадьба распалась, а жених отказался...

Наверняка бывают клиентки, которые желают наказать более счастливых соперниц. Пфель нахмурился и угрожающе хмыкнул.

– Прошу простить, такими вещами не занимаюсь, – строго сказал он, постукивая пальцем по крышке сундучка.

– Я хочу разрушить свою свадьбу, – храбро ответила Астра. – Чтобы мой жених отказался от меня навсегда...

Пфель только глянул на Василису, которая старательно смотрела в пол. Негодная девица обманула, ничего не объяснив. Надо было отказать.

– Вашу просьбу, мадемуазель, уважить не могу, – после тягучего молчания сказал Пфель. – Черная магия нам непозволительна... Нельзя использовать силы ради дурного дела... Даже если вы не желаете выходить замуж или вас выдают насильно...

– Но что же мне делать! – в отчаянии воскликнула Астра.

Горе ее было столь искренним, что Пфель не смог остаться равнодушным. Он был добрым колдуном. Хоть и состоятельным...

– Если желаете, могу погадать вам, мадемуазель...

Астра обреченно кивнула.

Открыв сундучок, Пфель вытащил пригоршню косточек, куриных, как показалось Астре. Косточки были гладко отполированы, на них чернели незнакомые буквы и странные значки. Пфель сложил косточки в ладошки, что-то пошептал и бросил на стол. Кости улеглись беспорядочно. Засмотревшись, Гая чуть не легла на стол, Астра вовремя одернула ее назад.

– Что там?

Колдун помалкивал.

– Могу сказать, мадемуазель, свадьбы с прежним женихом у вас не будет...

– А с кем будет? – спросила Астра.

Пфель быстро глянул на Гаю.

– Два жениха вас ждут... Один достанется вам от другой невесты...

– Потому что та невеста умерла или умрет?

– Возможно, – последовал уклончивый ответ.

– А другой?

– Придет сам, откуда не ждали...

– Могу узнать их имена, кто они? Сколько им лет? Как они выглядят? Где служат?

Колдун собрал кости и спрятал в сундучок.

– Скоро все узнаете...

– У меня свадьба через три дня... Как успеть поменять двух женихов?

– То, чему быть должно, всегда успеется, а прочее уму человеческому знать не положено. – Пфель глянул на Гаю. – А на вас, голубушка, сорочье слово лежит... Мешает сильно, как иголка в ботинке...

Гая схватила ладошками лицо.

– Ой, что же мне делать... Помогите...

– Моя помощь не требуется. Как прилетело, так и отлетит вскоре. Не бойтесь...

– А мне что-нибудь предскажете? – спросила Василиса.

Пфель пробурчал что-то сердитое.

– И забудьте сюда дорогу, мадемуазель, – добавил он.

Астра встала и развязала тесемки сумочки.

– Благодарю, господин Пфель... Сколько должна вам за труды?

Колдун глянул на нее черными глазами.

– За такое денег нельзя брать... Вам и без того нелегко придется...

– Как вам будет угодно, – резко повернувшись, Астра пошла в сени, забыв про Гаю и Василису. Она была слишком расстроена, если не сказать встревожена. Если не сказать в глубокой растерянности. Лучше бы не ездила вовсе.

Лучше бы не знать...

* * *

– Наконец-то пропащая явилась! – услышал Пушкин громкий голос из квартиры, занимавшей второй этаж старого и малость покосившегося дома в переулке Сивцев Вражек на Пречистенке.

Дверь распахнулась.

– Ну где же тебя, милая, носило...

На пороге стоял невысокий господин в потертом жакете и стираной сорочке, рукава которой были закатаны до локтей, открывая мокрые красные руки. Он слепо, по-стариковски сощурился.

– Вот тебе на, не Тася, – проговорил он, чуть отодвигаясь, чтобы разглядеть незнакомца. – Прошу простить, думал, дочь вернулась... Чем могу служить?

Чиновник в отставке виден в каждой мелочи. До больших чинов не выслужился, пенсию не получил, живет на скудный доход, наверное, проживает остатки приданого жены. Во всем себе отказывает, экономит, новой сорочки не купит. Все только чтобы вырастить дочь до счастливого замужества.

Из квартиры доносились густые запахи готовки, в которых смешались рыбные и мясные ароматы. По коридору пробежала кухарка с тазом, покрытым полотенцем, другая вылетела из кухни с горкой тарелок. Выглянула старушка, утирая лоб рукой в муке. Небогатый дом готовился к главному событию: свадьбе дочери. Отдавал все силы и средства без остатка.

Пушкин не смог сказать то, что должен был. Завтра в доме будут совсем другие заботы. А сегодня... Сегодня хлопоты радости... В конце концов, это обязанность ротмистра фон Глазенапа сообщить тяжкую весть. Пусть шлет помощника или как угодно... Пушкин представился чиновником сыскной полиции, пояснив, что визит его связан с публикацией в «Московском листке»: проверяет, нет ли жалоб от невест. По просьбе участкового пристава...

Отец Юстовой только усмехнулся: из-за такой чепухи тревожиться. Пригласил войти в дом, обещал прислать жену, он в свадьбах лицо подневольное, как выразился.

После квартиры Капустиной бедность семейства отставного чиновника была слишком заметна. Живут в съемной квартире, из своего фотографии на стенах и дешевый фарфор. На столе высились горы тарелок и блюд, стояли бутылки недорогого вина, в вазе лежали фрукты. Сегодня приготовить необходимое, а завтра вернуться после венчания к праздничному столу.

Вышла пожилая женщина в фартуке, с проседью в волосах, улыбнулась гостю и принялась извиняться, что принимает в таком беспорядке. Пушкин обещал задержать ненадолго. Его заставили сесть на скрипящий стул.

– Не стоило беспокоиться... Мы газету от Тоси спрятали, ничего не знает, ей и расстройству никакого... Завтра свадьба, все забудется, все начнется по-новому, – сказала матушка, вертя ладонями, будто намыливая.

– Приданое ваша дочь завтра получает?

Полина Карповна приподняла брови.

– Да разве полиция таким обстоятельством интересуется?

– Служба, – кратко ответил Пушкин.

– Ну, раз служба... Тысячу рублей для Тасеньки скопили, солнечного зайчика нашего... Как раз вовремя: тут ей и шестнадцать исполнилось, и жених нашелся... Спасибо десять лет

назад мадам Капустина надоумила войти пайщиками в кассу взаимопомощи невест... Ой, да что же я, проговорила, – Полина Карповна прикрыла ладошкой рот. – Приставу не расскажете?

Пушкин обещал сохранить в тайне.

– Свадебное платье ваша дочь сегодня оплачивает?

Тут уж Полина Карповна совсем удивилась.

– И это известно? Да вот, собрали... Такое дорогущее, сорок рублей... Но разве для дочки что пожалеешь... Наскребли по сусекам... Продала свой перстень, мне без надобности, а Тося носить не будет... Вот, пошили у самой мадам Вейриоль...

– Другие деньги ей выдали?

– Мелочь на извозчика туда и обратно... Чтобы ноги не натерла перед свадьбой...

– Господин Ферх сделал невесте подарок?

Полина Карповна расцвела от гордости.

– А как же! Все как полагается... Все как у людей... – Она указала на жидкий букет гвоздик, лежавший на коробке печенья «Сиу и К°». – Сегодня заехал, привез подарок, да не дождался, уехал...

– Родственники Таисье деньги дарили?

– Что вы! – Полина Карповна отмахнулась. – Если что поднесут, так ведь только завтра, после венчания... Как полагается... Да и не горьцы мы, чтобы деньгами невесту осыпать... Там, говорят, золотом так и сыплют, так и сыплют...

– Через три дня ваша дочь приглашена на свадьбу Астры Бабановой, – сказал Пушкин, не глядя на старушку.

– Хорошо бы, да кто нас туда пустит... Астра Федоровна ведь за самого графа Урсегова выходит... Графиней будет... Они, конечно, с Тасей в одном пансионе учились, в обучение столько денег отдали, что и подумать страшно... О чем жалеть теперь, когда все устроилось... Но мы понимаем свое место... Спасибо, что Гая Федоровна согласилась Тасиной дружкой быть... Уже великая благодарность... Да вот еще господин Курдюмов обещался свадьбу визитом почтить... Все как у людей будет...

– Почему не поехали с дочерью на примерку свадебного платья? – спросил Пушкин, понимая, что вопрос приближает к опасной черте.

Полина Карповна ничего не заметила и не встревожилась.

– Куда там! Столько хлопот, столько надо к завтрашнему успеть... Они с Гаей Федоровной сговорились... На то и дружка, чтобы помочь с платьем... Да вот что-то задержалась, ума не приложу, где она... Неужели перед зеркалом вертеться не устала...

– Приглашения на свадьбу печатали?

Гордостью просияло лицо Полины Карповны. Она сходила к буфету и вернулась с карточкой, на которой были напечатаны имена жениха и невесты, место и время венчания. Карточка была в точности такой, как приглашение на свадьбу Астры Федоровны.

Пушкин заставил себя сказать комплимент и спросил: где же такую красоту делают? Оказалось, в типографии Теофила Гагена, что на Большой Лубянке. Типография была известной и чрезвычайно дорогой. И тут родители разбили в лепешку, чтобы невесту порадовать.

– Ваша дочь любит сельтерскую воду?

– И откуда только все узнаете! – обрадовалась старушка. – Ваша правда, господин полицейский, Тася водичку эту вино предпочтет... Дорогая водичка выходит... Но что поделать, по праздникам балуем душеньку нашу...

Поглядывая на старенький маятник, Полина Карповна стала извиняться, что не может продолжить приятную беседу, на кухне ждут. Если надобно, пришлет мужа, и не желает ли господин полицейский выкушать чаю, она похлопочет...

Чувствуя на душе гадкую тину, Пушкин простился и покинул дом, сегодня еще готовивший свадьбу...

* * *

Список ресторанов, в которых граф Урсегов мог позволить себе обедать, был чрезвычайно короток. В него входило от силы пять-шесть заведений. «Славянский базар» можно сразу вычеркнуть. Агата успела спросить Сандалова. Портье признался, что графа знает не слишком хорошо, бывает он здесь редко, сегодня наверняка не был.

Первым делом она приказала извозчику вести в «Билло» на Большой Лубянке. Там испробовала простую хитрость: просила официанта передать срочное сообщение для графа Урсегова. Официант, видя встревоженную даму в дорожном костюме, подумал, что произошло нечто важное, ушел в зал, чтоб опросить товарищей, и вернулся ни с чем: графа не было. Что Агату пока устраивало.

С Большой Лубянки она приказала на Софийку, в «Альпенрозе». Повторив трюк, узнала, что графа Урсегова не было и там. Такой же результат получила в «Континентале» на Театральной площади и в «Праге» у Арбатских ворот. После трех неудач Агата надеялась, что ей повезет в «Мавритании» на Суцевке. Но граф не изволил там отобедать. Предстоял неблизкий путь на Петербургское шоссе, где располагались «Ярь» и «Стрельна». Перед тем как порадовать извозчика дальним маршрутом, Агата решила заехать на Трубную площадь.

Официант «Эрмитажа», как и прочие его собратья, побежал в зал и вдруг вернулся с чудесной новостью: граф как раз начал обедать. Агата тут же изобразила большое волнение и стала спрашивать, кто у него за столом. Дескать, не при всяком может сообщить плохое известие. Официант предложил взглянуть и указал на ближний столик к сцене. Из-за раннего часа выступления еще не начинались, но граф не изменял привычке занимать лучшее место.

Он был один.

Издалека граф казался довольно милым, простодушным и веселым человеком, одетым по последней моде, с бутоньеркой на лацкане сюртука. Он вертел головой, улыбка под завитыми усиками не сходила с лица. Граф Урсегов пригубил бокал светлого напитка, кажется шампанского, и заел ложечкой черной икры. Агате хватило опыта, чтобы оценить: добыча будет не из трудных. Не пройдет и получаса, как она окажется за его столом. После поедут кататься по Москве: надо же приехавшей баронессе фон Шталь показать древнюю столицу. А затем она мягко заставит его познакомить с друзьями. И тут окончательно разоблачит преступников. Господину Пушкину останется арестовать убийц. Если, конечно, она доживет до завтра и ее не прихлопнут ради развлечения. От веселых холостяков всего можно ожидать...

Помня, что на ней мерзкое дорожное платье, Агата внесла изменение в свой выход в зал ресторана, чтобы не выглядеть смешной. Она настроилась и собралась, но в этот момент мимо прошел какой-то господин. Агата успела юркнуть за портьеру, обрамлявшую дверь. Господин был в таких тяжких раздумьях, что ничего не замечал вокруг...

Никаких сомнений, это он. Господин Смольс, оказывается, не доехал до Петербурга, вернулся с полдороги...

Отказавшись от услуг официанта, Агата стала наблюдать, что будет дальше. Смольс что-то приказал, ему принесли на подносе графин и простые закуски. Он налил рюмку, выпил, не закусывая, налил вторую и тут же третью. А потом схватился руками за голову да так и сидел. Как самый обычный жених, которого бросила невеста. Печаль его была столь велика, что Агата ощущала ее физически, будто лицо жгли пощечинами. Страдал самый обычный мужчина, который хотел жениться по любви, а получил пустое купе с багажом вместо невесты...

Впервые в жизни Агате стало стыдно. Стыдно до слез.

Она вышла из ресторана, стараясь забыть картину горящего дипломата, и уселась в пролетку. Ничего не оставалось, как ждать, когда его светлость, граф Урсегов, закончит обед. Но где его дружки? Или ему не успели доложить о смерти другой невесты?

* * *

Мадам Капустина женила всех. Кто хочет и не хочет, кто мечтает и боится выходить замуж. Не было случая, чтобы у нее жених сбегал из-под венца или невеста ударилась в бег. Но сейчас, стоя у подъезда дома на Тверской, богато украшенного лепниной, она не знала, чем кончатся смотрины. Как оказалось, Пушкин полон неожиданностей. Нельзя предвидеть, что ему взбредет в голову. К тому же Феклу Маркеловну беспокоило, что он разнюхал про кассу взаимопомощи.

Нельзя сказать, что касса невест пряталась под глухим покровом тайны. Кому надо, и без того знали. Каждая небогатая мать, у которой дочке исполнилось шесть лет, пять лет, а то три или два годика, получала предложение накопить на приданое. Никто не отказывался. И никто не распускал язык. Дело процветало без лишней огласки. Откуда же Пушкин пронюхал?

Капустина гадала, где совершила промашку, и не могла догадаться. Что несколько тревожило. Она подумала отказаться от сватовства вовсе, заявив жениху, что ему дали от ворот поворот. Такая слабость бросила бы пятно на ее мундир. Если, конечно, свахи носят мундиры... Чего в Москве не бывает... К тому же мадам Бабанова так захотела видеть именно его в женихах...

Появление Пушкина избавило сваху от трудного выбора. Войдя в мраморную залу, которая оказалась прихожей, Капустина извинилась, что должна обмолвиться с мадам Бабановой парой словечек. Она отвела Пушкина в малую гостиную и оставила в одиночестве, обещав вскоре вернуться.

Малая гостиная купеческого дома по размерам могла стать жилищем для небольшого семейства. Но простым смертным делать тут было нечего. Вызывающая роскошь и наглое богатство мебели, золоченых обоев, атласных французских штор, итальянского хрусталя люстры, фигурок и ваз мейсенского фарфора кричали, что здесь имеют право жить только те, кто не привык считать деньги.

Посреди главной стены висел портрет, написанный в современной реалистической манере. Герой портрета еле вмещался в золоченые рамки. Художник изобразил дородного господина с окладистой бородкой слишком правдиво. В тяжелом взгляде, сверлящем из-под массивного лба, читались сила и злость хищника, что позволяют добиться в жизни всего и богатства в частности. Между густых бровей виднелась глубокая ложбинка, будто след от давнего удара. Портрет как будто глядел на незнакомца и говорил: «Это еще что такое явилось? Пшел вон!»

Пушкин увидел достаточно. Он прошел к диванам, стоявшим в центре гостиной напротив друг друга, и огляделся. На персидском ковре и под диваном было разбросано печенье, как будто горничная забыла подмести. Пушкин узнал известные печенья из набора «Экстра» фабрики Эйнем. Между диванами располагался резной столик в мавританском стиле, которому, по строгим правилам вкуса, здесь было не место. Подобные правила Пушкина интересовали мало. Его привлекла хрустальная вазочка на столике. Вместо печенья в ней лежал полусгоревший обрывок бумаги, пахнувший свежим дымом. Подчиняясь не разуму, а полицейскому инстинкту, Пушкин воровато оглянулся на двери, каковых здесь было три, вытащил черный блокнот и смахнул пепел между страницами... Поступок мальчишеский, нелогичный и недостойный чиновника сыска. Оправданием было врожденное любопытство, которое толкает открывать новые континенты и раскрывать преступления... Многие приличные люди им страдают...

Он успел повернуться к портрету, чтобы не возникло сомнений, чем он тут занимался, как в гостиную вошла Капустина. Она сопровождала даму. Дама была так молода и красива, что Пушкин не сразу понял, кто она. Одна из дочерей Бабановой? Нет, все-таки сама мадам. Кажется, младше его. И уже мать двух дочерей. В каком же возрасте вышла замуж?

На всякий случай Пушкин поклонился.

– Алексей Сергеевич, позвольте вам представить: Авива Капитоновна Бабанова, вдова купца I гильдии Федора Козьмича Бабанова, владелица торговлей шерстью под фирмой «К. М. Бабанов и сыновья»...

Помпезное приветствие должно было указать жениху его место: гляди не дури, в такой дом попал, что многие и мечтать не могут. Пушкина интересовало не купеческое богатство, а протянутая чуть полноватая ручка. Надо принять решение: целовать или отдать поклон. Пушкин выбрал второе.

Авива Капитоновна простила невоспитанность, села на диван, не замечая разбросанного печенья, будто домашнего пустяка, и пригласила Пушкина устроиться на другом. Как ему будет удобно.

– Обратили внимание на портрет моего покойного мужа? – спросила она. – Каким его нашли?

– Когда он умер? – спросил Пушкин, чем заставил вздрогнуть Капустину: жениху вести себя так не подобает.

Неловкость манер мадам Бабанова спустила.

– Несчастье случилось на Масленицу... Федор Козьмич чрезмерно объелся блинами и умер буквально за столом... Доктор сказал, что такое часто случается в Масленицу...

– Чуть меньше двух месяцев назад, – сказал Пушкин, глядя на светлое платье вдовы.

– Понимаю ваше удивление, – ответили она, не смущаясь, что свойственно красивым женщинам с точеной фигурой. – Мы отдали христианский долг на упокоение его души, а траур никому не нужен... Федору Козьмичу в первую очередь. Он бы одобрил, что выдаю Астру Федоровну замуж, не выжидая года. К чему мучить влюбленные сердца, которые стремятся друг к другу? Моя вторая дочь, Гая Федоровна, тоже созрела для замужества... Родились вместе с разницей в несколько минут... Люблю обеих всем сердцем, как может любить только мать. Так мило, что они не близняшки. У каждой свой характер. Гая Федоровна как будто создана для семьи: мягкая и добрая...

Намек совсем откровенный. Капустина взялась помочь Пушкину прочистить уши.

– Гая Федоровна – чудесная девушка. Воспитана в знаменитом пансионе Пуссель, где обучение стоит четыреста рублей в год... Закончила восемь классов, умница и красавица, – сказала она, и добавила: – У нее легкий характер и доброе сердце...

Так Фекла Маркеловна обычно говорила, когда хотела смягчить в девушке милый недостаток, который обязательно выплывет. Когда хромую ножку, а когда невесту в положении¹².

– Ваша дочь выходит за графа Урсегова...

– Да, свадьба состоится через три дня в храме Святых Бориса и Глеба у Арбатских ворот. Буду рада видеть вас среди гостей... Вот приглашение. – Мадам Бабанова протянула карточку с кружевом, золотыми шарами и миртом. Текст отпечатан в типографии. Не выразив положенной благодарности, Пушкин сунул приглашение в карман.

Такое поведение мадам Капустина не могла простить: неужели он настолько глуп? Ему буквально говорят: желаем видеть вас родственником. Что еще надо? Обсуждай приданое Гаи Федоровны и забудь о кассе невест...

Чего-то подобного ждала мадам Бабанова. Она придиричиво смотрела на Пушкина, как изучают перед покупкой редкую вещь.

¹² Так называли беременность.

– Астре Федоровне поступали угрозы? – спросил чиновник сыска, а вовсе не вещь.

Мадам Бабанова глянула на Капустину. Сваха только плечами пожала. Она окончательно перестала понимать этого господина.

– Угрозы? – повторила Авива Капитоновна. – Какие могут быть угрозы? От кого? Полагая имя нашей семьи – достаточная защита от любых угроз... Кто посмеет угрожать невесте графа Урсегова...

– Мой служебный долг задать такой вопрос.

– Милейший Алексей Сергеевич беспокоится по причине письма женихов невестам, что нынче напечатали в газете. – Капустина постаралась погасить неловкость.

– Ах, вот в чем дело! – обрадовалась мадам Бабанова. – А то я не знала, что и подумать... Это такая глупость, на которую и внимания обращать не следует...

– Астра Федоровна завтра будет на свадьбе Таисии Юстовой?

Слушать об этом Авива Капитоновна не пожелала.

– Прошу простить, это излишне... Достаточно, что я разрешила Гае Федоровне быть дружкой на свадьбе этой Юстовой... Мы, конечно, не аристократы, но слишком вольному общению со служащими фирмы должна быть граница...

– Именно так, границы надо знать и понимать, что делаешь, – в сердцах выразилась Капустина. Она поняла, что худшие опасения оправдались: не будет никакого сватовства. Опозорилась. С треском провалилась...

– Мадам Бабанова, позвольте поговорить с Гаей Федоровной, – попросил Пушкин.

Вопрос был встречен вздохом облегчения обеих женщин. Сваха не могла поверить, что обреченное сватовство мгновенно обернулось в нужную сторону.

– Буду рада, Алексей Сергеевич, вашему знакомству с моей дочерью, – ответила Авива Капитоновна. Еле заметная тень скользнула по ее лицу. Она о чем-то задумалась. – Вы, кажется, служите в сыскальной полиции?

Пушкин молча кивнул.

– Прекрасное место для молодого человека... Позвольте говорить напрямик...

Он ждал, что последует дальше.

– Для матери счастье ее детей – главное... Астра Федоровна составила отличную партию стараниями Феклы Маркеловны... Я не верю в приметы, что сестры не могут жениться в один день или год... Они родились вместе, почему бы им не выйти замуж вместе? Где одна свадьба, там и две... Больших сборов не потребуется, все и так готово... И с платьем успеем... Теперь о главном. Даю за Гаей Федоровной двадцать тысяч годового дохода¹³ в процентных бумагах, свой дом и меблировку. Подумайте над моим предложением, Алексей Сергеевич...

– Обещаю подумать, – ответил Пушкин, вставая с такого мягкого и удобного дивана, что вставать было лень.

– В таком случае приглашаю вас завтра с Агатой Кристафоровной к нам на ужин... Соберемся семейным кругом... Фекла Маркеловна, проводите господина Пушкина к Гае Федоровне... Позаботьтесь о приличиях...

На прощанье Авива Капитоновна улыбнулась будущему жениху, но ручку на всякий случай не подала. Она не сомневалась, что в Москве не родился еще мужчина, который сможет отказаться от такого приданого.

Зря сваха глупости болтала...

¹³ Жалованье чиновника сыска составляло 1200 рублей в год. Теоретическим пересчетом можно предположить, что 20 000 рублей 1894 года примерно соответствуют 20–25 миллионам рублей 2021 года. Смотря как считать.

* * *

Граф Урсегов изволил обедать полтора часа. Сидя в пролетке на апрельском ветерке, Агата так продрогла, как не замерзла в проруби¹⁴. Дорожный туалет из английского твида не согрел московской весной. Руки заледенели, под носом появилась предательская капля. Агата держалась.

Она видела, как из «Эрмитажа» вышел Смольс, покачиваясь и печально встряхивая головой. Видела, как выходили другие сытые господа, которых успела заметить в зале. Граф все еще вкушал. Наконец и он появился. Агата обрадовалась так, как не обрадовалась бы Пушкину.

Предводитель шайки убийц наел отличное настроение. Агата видела его улыбку и сдвинутую набекрень шляпу. Окинув взглядом площадь, граф свистнул в пальцы. Как по волшебству к нему подкатил извозчик. Урсегов прыгнул на диванчик пролетки и что-то крикнул «ваньке». Агата не расслышала, куда он едет, приказала следовать в некотором отдалении.

Интерес привел графа на Красную площадь и Верхние торговые ряды¹⁵. Приказав извозчику ждать, Агата побежала за ним, стараясь потеряться в толчее. По торговой традиции на Фоминой неделе началась дешевка¹⁶. Магазины сбрасывали цены больше, еще больше и отдавали товар почти даром. Покупатели толпились на галереях. Урсегов прогуливался в толпе, не заходя ни в какой магазин. Внимание его привлекали не витрины, а барышни, которым он заманчиво улыбался и приподнимал шляпу. Агата следовала за ним и никак не могла выбрать удобный момент, чтобы попасться на глаза и начать знакомство.

Прогулявшись по этажам и ничего не купив, граф вышел на Красную площадь. Опять по мановению руки добыл извозчика. Талант для Москвы на редкость полезный.

Приехав на Тверской бульвар, Урсегов сошел и, кинув извозчику рублевую монету, занялся самым главным для мужчины делом: прогулкой по бульвару. Агата не отставала, ощутив охотничий азарт.

И тут случилось странное. Заметив свадебную карету с женихом и невестой, граф сорвал с голову шляпу и принялся салютовать. При этом выкрикивал пожелания счастья. Жуткое притворство поразило Агату: и это человек, который согласился на убийство собственной невесты? Ну и ну...

Намахавшись, граф нацепил шляпу на затылок и отправился дальше. В середине бульвара он заметил праздничную толпу около небольшого храма Иоанна Богослова. Тут же свернув налево, Урсегов присоединился к зевакам. Как только из ворот церкви вышли жених с невестой, граф принялся кричать: «Ура молодым!» и «Многая лета!» и «Виват!» При этом сотрясая шляпой на вытянутой руке. Агата стояла поблизости, скрытая толпой, не веря глазам своим: до какого цинизма опустился этот человек! Подозрения окончательно стали твердой уверенностью: граф фальшиво радуется чужим свадьбам потому, что свою невесту приговорил. Сегодня утром Астра Федоровна чудом спаслась, в другой раз с ней будет покончено. Надо сделать все, чтоб спасти ее и других несчастных девиц, над которыми нависла смертельная угроза.

Между тем, вполне насладившись свадебным торжеством, до которого не успели дотянуться его преступные дружки, граф вернулся на бульвар. Агата уже изготавилась попасться ему навстречу, как Урсегов призвал извозчика. Прыгнул в пролетку и поехал прочь.

Бегом примчавшись к своей пролетке, Агата успела не потерять удиравшего преступника. Граф приехал в Театральный проезд и вошел в левое крыло Центральных бань. Швей-

¹⁴ Об этом в романе «Выгодный риск».

¹⁵ Нынешний ГУМ.

¹⁶ Распродажа.

цар приветствовал его как дорогого гостя. А мадемуазель в дорожном костюме на порог не подпустил.

– Просим прощения, женское отделение рядом-с, – было сказано ей.

Агате осталось проклинать мужское господство, женскую долю и неравенство полов. Столько стараний – и все напрасно. Наверняка Урсегов сейчас в компании приятелей. И она бессильна. Ждать, когда граф с друзьями выйдет из бань? Господа, чего доброго, до ночи просидят. И Пушкину сказать нечего...

Окончательно пав духов, Агата забралась в пролетку и приказала отвезти ее на Страстную площадь.

* * *

Приличия были беспощадны. Даже после сговора и обручения молодой человек не имел права оставаться наедине с девушкой без присмотра родственников до самой свадьбы. А тем более когда он находился в статусе гостя и пока не сделал то, чего от него ждали. То есть предложения.

Капустина нашла сестер с Василисой в малой столовой. Барышни сидели молчаливые, как на поминках. Чай не пили, конфетами не угощались. Зная, что настроение шестнадцатилетних девиц переменчиво, как вода, Фекла Маркеловна не стала донимать расспросами, а высказалась напрямик: в доме приятный молодой человек. Он желает познакомиться с Гаей. С ней надо находиться сестре и Василисе. Сама сваха не будет смущать своим присутствием молодежь.

От волнения Гая стала крутить пуговицу и манжету блузки и тут же оторвала. И не смогла спросить Феклу Маркеловну, кто он и что он. Зато Астра не растерялась, потребовала полный отчет. Капустина ничего не скрывала: чиновник сысжной полиции, младше тридцати лет, хорош собой. Обучался в Московском университете математике да потом ушел служить в полицию. Умен, честен, прямолинеен, правда, излишне сух и строг. Небогат, но за деньгами не гонится вовсе. Чего доброго, не пожелает оставить службу после женитьбы, потому что горд и своенравен. Что Капустина не сочла нужным скрывать: пусть бедняжка сразу знает, какое счастье ей привалило. Родители господина Пушкина давно умерли, из родственников – пожилая тетушка. Поведения исключительно пристойного, женат не был, детей нет...

Выслушав полную характеристику, Астра хлопнула в ладоши.

– Изумительно, тетя Фекла... И сестренку продали... Полагаю, матушка с приданым не поскупилась?

– Попридержи язык, милая, – строго ответила Капустина. – Твоего совета не спрашивают. Будешь при сестре. И помалкивай, не смей язык свой змеиный распускать...

Астра присела перед свахой в образцовом книксене, как научили в пансионе.

– Слушаюсь, мадам... Не извольте беспокоиться, мадам...

Фекла Маркеловна горестно вздохнула.

– Пороть тебя надо было по-простому, по-купечески... Не выросла бы такой. – Тут она обратилась к Василисе. – На тебя надеюсь, будешь за старшую. На этих сорок надежды никакой...

Василиса послушно поклонилась:

– Не беспокойтесь, Фекла Маркеловна, все будет хорошо.

– Тогда отправляемся в Зеленую гостиную, – сказала она и на всякий случай перекрестилась.

Зеленая гостиная находилась рядом с малой, в нее вела одна из дверей. Пушкин осматривал стены, выложенные зеленоватым мрамором, похожим на малахит. Архитектор хотел сделать гостиную в английском стиле, для чего поставил мраморный камин с большим зеркалом

над каминной полкой, книжные стеллажи из мореного дуба и глубокие кожаные кресла. Купеческий дух потребовал установить фигуры казаков с копьями и шашками казлинского литья, золоченые вазы на каминной полке и портреты предков с окладистыми бородами, похожих на персонажей лубка. На каждом портрете – мужчины, женщин отчего-то не было, – Пушкин отмечал фамильный признак породы.

Распахнулась дверь. Капустина, как придворный церемониймейстер, впустила сестер. Астра разглядывала будущего родственника дерзко и прямо, презрительно улыбаясь. Она демонстративно осталась стоять, не присев, когда сваха представила ее, и даже головы не наклонила, показывая полное презрение. Гая хотела присесть, как полагается воспитанной барышне, но у нее предательски подвернулся каблук. Если бы не подхватила сестра и Василиса, полетела бы лицом в ковер. И так стыда не обернуться. Она покрылась пунцовыми пятнами. Василиса была названа компаньонкой.

Усадив девиц, Капустина извинилась, что вынуждена оставить, у нее срочное дело. Фекла Маркеловна пылала гневом не хуже огнедышащего дракона: обе мерзавки окончательно допекли, каждая своим характером. Требовалось успокоить душу рюмкой ликера. Но прежде она осталась подслушать под дверь. До замочной скважины не долетал никакой звук. Она подумала: «Неужели будут молчать, как на похоронах?» и «Может, вернуться?» Но потом плюнула, дескать, пусть сами разбираются, и отправилась на кухню.

Пушкин молчал, поскольку бессовестно рассматривал барышень, что делать не принято. Астра бесстрашно отвечала прямым взглядом, Гая разглядывала платочек, скомканный в руках, Василиса изучала обстановку гостиной.

– Служите в полиции? – спросила она, получив от Астры локтем в бок.

– В сыскной полиции, – ответил Пушкин.

– Чрезвычайно интересно, должно быть...

– Обычная служба.

Астра с Василисой переглянулись: жених вел себя совсем не так, как принято. Compliments не говорит, никакой учтивости и заискивания перед богатыми невестами. Да что он себе позволяет?

– Разве ловить преступников скучно? – спросила Астра. – В романах это выглядит занимательно.

– В жизни по-другому. Астра Федоровна, позвольте задавать вам вопрос...

Астра так удивилась, что забыла о презрении к будущему родственнику.

– Мне? Вы хотите задавать вопрос мне? Гая Федоровна, – она указала на сестру, – с большим удовольствием ответит на любой ваш вопрос...

При этом Гая так дернула платок, что материя разорвалась на куски.

– Вашу сестру спрошу в свой черед.

Пожав плечами, Астра откинулась на спинку кресла. Как не полагалось делать хорошо воспитанной барышне. Ох уж эти приличия...

– Извольте... Раз любите полицейские привычки...

– Астра Федоровна, вы сделали подарок на свадьбу мадемуазель Юстовой?

– С какой стати вас интересует Тася Юстова? – ответила она.

На откровенную грубость Василиса сделала упреждающее движение бровями. Пушкин привык и не к такому.

– Что именно подарили?

Астра улыбнулась:

– Ну, раз на первом знакомстве с моей сестрой вас интересует такая чепуха, извольте: подарила ей серьги с камушками. Дешевые, конечно... Все-таки старинная знакомая... Нельзя не уважить...

– Передали ей приглашение на свою свадьбу?

Кажется, Астра собралась высказать наглецу все, что про него думала, но Василиса вовремя сжала ее руку.

– И в мыслях не было, – ответила она сдержанно. – Серьги – всего лишь жест вежливости с моей стороны. Излишний для такой недалекой барышни, как Тася, но что поделать, уж такое у меня доброе сердце. Тем более Гая Федоровна – ее дружка. Вам это известно?

– Известно, – ответил Пушкин. – Почему сегодня утром отменили примерку свадебного платья в салоне мадам Вейриоль?

Вопрос застал врасплох. Астра не могла прийти в себя от изумления.

– Вы... Вы... – пробормотала она и собрались с силами. – Вы ничего не перепутали? Устроили тут полицейский допрос. С какой стати лезете в мои личные дела?

– Прошу ответить.

– Ну что ж... – Астра по-мужски шлепнула себя по коленке. – Желание дорогого гостя для нас закон: я не поехала на примерку потому, что расхотела... Девушка имеет право расхотеть? Смена настроения не преследуется по закону?

Она встала и отряхнула юбку, будто сметала сор.

– Прошу простить, господин Пушкин, я вспомнила о срочном деле, которое требует моего присутствия... Оставляю вас с Василисой и сестрой...

Взмахнув подолом, будто бросила перчатку в лицо, Астра Федоровна вышла из Зеленой гостиной. Голова ее была гордо поднята, спина прямая, как древко знамени.

– Прошу простить мою сестру, – сказала Гая, решившись поднять глаза на красивого мужчину, который понравился ей так, что страшно признаться. И даже незаметна разница в возрасте. Такой милый и простой. Пусть немного бука... Это ничего... Зато такой славный... Сразу видно: умница... Не то что мерзкий граф Урсегов... Неужели он хочет сделать предложение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.